

CINE

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 50 исследовательских центров и 37 международных лабораторий, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№93 / Весна 2018

Международные проблемы

- 6 Трудные времена для интернационализации высшего образования?
Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит
- 8 Подготовка руководящих кадров для высшего образования
Лора Рамбли, Хиллигье ван'т Ланд, Жюльет Беккер

Сомнительная практика

- 10 Псевдоконференции как случай академического каннибализма
Джеймс МакКрости
- 12 Борьба с академической коррупцией: контроль качества и аккредитации
Джудит С. Итон

Снижение международной студенческой мобильности

- 14 Ослабление роста международной студенческой мобильности
Дирк ван Дамме
- 16 Привлечение и удержание талантов: международные магистранты и аспиранты в США
Раджика Бхандари

Филиалы

- 18 Что можно, а что нельзя считать международным филиалом вуза:
обновленное определение
Стивен Уилкинс, Лора Рамбли
- 20 Факторы успеха международных филиалов вузов
Ричард Гаррет

Кредиты и долги: принципы и последствия

- 22** Долги по студенческим кредитам в США: слова vs реальность
Сэнди Баум
- 24** Образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, — не панацея
Ариана Де Гайардон

Частное высшее образование

- 26** Частное высшее образование в Африке: прогрессивная политика и противоречивые мнения
Вондвосэн Тамрат, Дэмтью Теферра
- 28** Устойчивое развитие частного высшего образования в Мексике: какова роль правительства?
Хорхе Аренас, Дэниел К. Леви
- 30** Анализ конкуренции в секторе частного высшего образования в Египте
Рами М. Аюби, Мохамед Лутфи

Китай

- 31** Заккрытие Китая? Возможные последствия для университетов мира
Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит
- 33** Снижение скорости роста китайских университетов
Алекс Ашер
- 35** Шанс для Китая: рекомендации по реформе гуманитарного образования
Кара А. Годвин, Ноа Пикус

Страны и регионы

- 37** Новые национальные рейтинги в Индии
Н. В. Варгхесе

Трудные времена для интернационализации высшего образования?

Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор, а Ханс де Вит — профессор и действующий директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mails: altbach@bc.edu; dewitj@bc.edu.

Ландшафт интернационализации высшего образования стремительно меняется. Можно утверждать, что так называемая эра интернационализации высшего образования, которая определяла действия и решения университетов в последние 25 лет (1990–2015 годы), если и не совсем окончена, то существует только благодаря системе искусственного жизнеобеспечения. Период неограниченного роста интернационализации всех типов, включая масштабное увеличение студенческой мобильности, экспансию международных филиалов и франшиз, программ двойных дипломов, повсеместный переход на английский как основной язык обучения и науки и многое другое, резко подошел концу, в особенности в Европе и Северной Америке.

Политика Трампа, брекзит, рост в Европе националистических и антииммигрантских настроений — все это влияет на общемировой ландшафт высшего образования. Сейчас мы наблюдаем масштабный сдвиг в подходах к интернационализации высшего образования, который заставит вузы всего мира пересмотреть свои международные проекты.

Начнем с хороших новостей

Знание остается международным достоянием. Число межнациональных исследований продолжает расти. Большинство университетов признает, что международный опыт является центральным элементом образования для студентов XXI века. Международная студенческая мобильность продолжает расти, хотя темпы роста по сравнению с предыдущими годами замедлились. Сейчас около 5 миллионов студентов обучаются за пределами родных стран. Основная европейская программа мобильности и сотрудничества «Эразмус+» по-прежнему работает и даже получает дополнительное финансирование. Страны АСЕАН двигаются примерно в том же направлении, что и Европейский союз, развивая гармонизацию академических систем, улучшая контроль качества и повышая мобильность и межвузовское сотрудничество в регионе. Понятия «внутриуниверситетская интернационализация» и «комплексная интернационализация»

повсеместно вошли в лексикон сотрудников сферы высшего образования.

Тем не менее эти положительные тренды не могут перекрыть события 2018 года, которые накладываются на удручающие реалии 2017 года. Основные удары 2016 года — сначала брекзит, затем победа Дональда Трампа — принесли, как и предсказывалось, множество проблем. Увеличение барьеров для получения виз, недоброжелательное отношение к иностранцам и другие подобные вопросы привели к снижению числа иностранных студентов в Великобритании и США.

События последнего времени предвещают формирование новых тенденций, которые наверняка окажут влияние на международные аспекты высшего образования, как минимум в среднесрочной перспективе. Эти тенденции иллюстрируются несколькими примерами.

Политика Трампа, брекзит, рост в Европе националистических и антииммигрантских настроений — все это влияет на общемировой ландшафт высшего образования.

Ограничения на количество международных студентов и на использование английского

В Нидерландах — возможно, в одной из самых международно ориентированных стран в мире — острые дискуссии о пределах интернационализации начались и в политической среде, и в секторе высшего образования, и в СМИ, и в обществе в целом. Слова ректора Амстердамского университета о том, что в голландских вузах обучается слишком много иностранных студентов, и о том, что образовательные программы на английском получили слишком большое распространение и их количество нужно сократить, получили широкую поддержку, поэтому распространение таких программ может быть свернуто.

В других странах, например Германии, Дании и Италии, тоже идут разговоры об отрицательном влиянии английского языка на качество обучения. Английский останется основным языком научной коммуникации, но его всеобщее доминирование, похоже, подошло к концу.

Вызовы транснационального образования

Университет Гронингена (Нидерланды) неожиданно остановил планы по созданию филиала в городе Яньтай китайской провинции Шаньдун совместно с Китайским сельскохозяйственным университетом. Это произошло в результате протестов голландских студентов и преподавателей, озабоченных вопросами ограничений академической свободы в Китае и тем, что идея создания этого филиала не прошла необходимый цикл общественных обсуждений в университете. Это событие может отразиться на других международных партнерских проектах в Китае или даже в других странах, поскольку потенциальные партнеры стали более критически оценивать структурные, академические и политические последствия открытия международных филиалов или реализации других инициатив. В целом вполне возможно, что время процветания международных филиалов, образовательных хабов, франшиз и других форм транснационального образования подошла к концу.

Академическая свобода vs контроль

Широко обсуждается вопрос китайского влияния на австралийское высшее образование. Китайские студенческие организации Австралии и правительство Китая обвиняются в том, что они пытаются ограничить критику в адрес Китая и тем самым подорвать академическую свободу. В сочетании с выходящей далеко за пределы Австралии критикой в адрес основанной в Китае сети Институтов Конфуция, связанной с тем, что они стремятся оказывать влияние на университеты, можно сделать вывод о росте озабоченности влиянием Китая (и, возможно, других стран) на высшее образование. Академическая свобода — серьезный аргумент, который приостановил открытие филиала Университета Гронингена и ряда американских вузов в Китае, а также на Ближнем Востоке и который ставит под вопрос будущее транснационального образования и международной студенческой мобильности в странах, где академическая свобода не гарантирована.

Возрастающие этические вопросы

Власти Дании обнаружили, что некоторые иностранные студенты и датчане иностранного происхождения использовали ненастоящие адреса, для того чтобы получить финансовую помощь (University World News, выпуск 491). По данным других европейских стран, иностранных студентов ловят на списывании во время экзаменов. Из-за таких историй отношение к международным студентам ухудшается.

Конец бесплатного образования для международных студентов

Норвегия повысила визовый сбор для иностранных студентов. Это, как утверждают критики, лишь первый шаг на пути к тому, чтобы начать взимать с ино-

странцев плату за обучение. Две немецкие федеральные земли уже начали взимать плату с иностранных студентов, тем самым решительно порвав с прошлым. Все чаще идут споры о повышении стоимости обучения для иностранцев, поскольку правительства многих стран хотят использовать международных студентов как источник субсидирования национальной системы высшего образования, как это делает Австралия на протяжении десятков лет. Стоимость обучения для иностранцев растет параллельно с ростом дискуссий о бесплатном высшем образовании для местных студентов.

Национализм/популизм как фактор внешней среды

Успех националистов и правопопулистов во многих европейских странах тоже окажет серьезное влияние на образовательную политику, хотя пока сложно сказать, как именно. Скандал вокруг Центрально-Европейского университета в Венгрии — лишь один пример того, как авторитарное правительство попыталось закрыть международный вуз, известный своим либерализмом. Приход к власти националистов в Австрии, Польше и Чехии тоже наверняка скажется на образовательной политике и международном высшем образовании этих стран. Даже в Германии, Италии, Нидерландах, Франции, где националисты в оппозиции, идеи некогда маргинальных партий обрели большой вес в формировании общественного мнения. Консервативному правительству Британии пока не удалось справиться с последствиями выхода из ЕС с точки зрения участия британских вузов в европейских программах и влиянием брекзита на сообщество живущих в Британии международных студентов и ученых, которое вносит значимый вклад в экономику знаний.

Противоборствующие тенденции?

Если в Европе и Северной Америке в сфере интернационализации возникают все новые политические, экономические и академические проблемы, то в остальном мире интерес к интернационализации явно растет. Впрочем, трудности есть и там. В частности, у двух крупнейших игроков — Индии и Китая.

Как отмечали многие эксперты, Китай становится в некотором смысле более академически закрытым. Об этом свидетельствуют новые ограничения на интернет-доступ, повышение значимости идеологических дисциплин, проблемы с академической свободой (особенно в социальных науках) и т.д. Однако все это сопровождается значительным ростом входящей студенческой мобильности.

Индия впервые заявила о том, что интернационализация является одним из приоритетов национальной политики в области высшего образования. Однако у Индии нет необходимой инфраструктуры, и она испытывает трудности с реорганизацией академической системы, необходимой для приема большего числа

иностранных студентов. Наблюдаются также серьезные проблемы логистического характера.

Вполне вероятно, что студенты, заинтересованные в получении международного опыта или иностранного диплома, действительно сместят свои предпочтения в сторону от основных принимающих сегодня иностранных студентов стран Европы и Северной Америки, которые стали не слишком гостеприимны. Но страны, которые могут выиграть от этих перемен, имеют свои проблемы.

Перспективы

Для начала нужно, чтобы все участники международного высшего образования осознали, что уже произошедшие, текущие и будущие изменения неподконтрольны академическому сообществу. Новые реалии повлекут за собой значительные последствия для высшего образования в целом и для интернационализации в частности.

Звучащая сейчас критика в отношении популяризации обучения на английском, безудержного привлечения иностранных студентов и развития международных филиалов вузов исходит из двух совершенно разных источников. С одной стороны, есть националисты и популисты, которые выступают против всего международного и против иммиграции. Но что важнее, есть собственно академическое сообщество, которое озабочено вопросами качества, академической свободы, этики. Призывы ректора Амстердамского университета найти альтернативный подход и уделять больше внимания внутриуниверситетской интернационализации, а также призывы Элспет Джонс и Ханса де Вита (University World News, выпуск 486) к инклюзивной интернационализации можно рассматривать как перспективную возможность, которая позволит переставить акцент с количества на качество. Если же возобладают аргументы националистов и популистов, то это и впрямь может означать конец интернационализации. Лидеры высшего образования со всего мира должны занять твердую позицию в отношении поддержки качественного подхода.

Подготовка руководящих кадров для высшего образования

Лора Рамбли, Хиллигье ван'т Ланд, Жюльет Беккер

Лора Рамбли — заместитель директора Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США). E-mail: rumbly@bc.edu.

Хиллигье ван'т Ланд — генеральный секретарь, а Жюльет Беккер — специалист по развитию программ и членской базы Международной ассоциации университетов (Париж, Франция). E-mail: h.vantland@iau-aiu.net и j.becker@iau-aiu.net.

В современном контексте эффективное управление вузами требует, чтобы руководители обладали солидным набором навыков и знаний и определенной чуткостью. Тем не менее мало известно о том, как именно лидеры, управленцы и политические деятели от образования разных стран учатся необходимым навыкам. Более того, даже в тех случаях, когда информация о подобных образовательных программах и программах повышения квалификации есть, создается неполная и зачастую унылая картина. Выбор хорошо организованных программ по укреплению лидерских и управленческих навыков в высшем образовании ограничен; это почти всегда программы небольшого масштаба, систематически отслеживать долгосрочной эффект которых не представляется возможным. В настоящее время перед заведениями и системами высшего образования открывается несметное число возможностей, но вместе с этим перед ними стоит огромное количество задач, так что проблема эффективного управления оказывается на этом фоне чрезвычайно важной. Без сомнения, большинство представителей среднего и высшего руководства вузов выполняют свою работу, не имея за плечами никакой специальной подготовки: им приходится учиться на месте, «без отрыва от производства», в противном случае они рискуют потерпеть неудачу.

Терра инкогнита

Недавно завершилось два исследования, благодаря которым удалось очертить мировой расклад по программам подготовки руководящих кадров для высшего образования. Первое исследование было проведено Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже по заказу Германской службы академических обменов (DAAD) и Германской конференции ректоров (HRK), а другое — Международной ассоциацией университетов (IAU) по заказу Всемирного банка. Задачей второго исследования было

найти специализированные программы по подготовке руководящих кадров (главным образом среднего и высшего уровня) для высшего образования в разных странах. Цель первого исследования была немного другая: разобраться в ключевых игроках рынка управленческих тренингов — в частности, в контексте международного сотрудничества в целях содействия развитию (например, в контексте расширения возможностей в бедных странах и странах с переходной экономикой).

Изучая спектр и особенности подобных программ по всему миру, исследователи из Бостона и Международной ассоциации университетов обнаружили, что к настоящему моменту практически никто не брался за осмысление таких программ на глобальном уровне. Чтобы составить список существующих в мире программ и описать их базовые характеристики, включая масштаб, структуру, способ подачи, динамику и задачи, требуется обладать широкой сетью контактов и уметь вездично искать информацию в интернете. В отличие от традиционных университетских образовательных программ, ведущих к получению ученой степени, посвященных различным аспектам высшего образования и реализуемых одним учебным заведением (или в сотрудничестве с конкретными вузами-партнерами), профессиональные программы подготовки нацелены на людей, которые уже работают в сфере высшего образования, и могут реализовываться самими организациями. Некоторые подобные программы реализуются конвейерным образом, когда различные структуры отвечают за различные аспекты, например за финансовую сторону, за организационную сторону, за непосредственную реализацию отдельных обучающих курсов. Пока в мире не существует четкой «типологии» для описания организаций, занимающихся обучением, или подходов к обучению.

Все что хотите

Можно говорить о существенном многообразии подходов к обучению. Это касается размеров группы и возраста обучающихся, частоты проведения занятий, особенностей целевой группы, используемых педагогических методов, продолжительности программы, ее тематики и т.д.

Это многообразие формирует довольно интересную картину. Какие-то образовательные программы существуют уже десятилетиями, другие запущены недавно. Какие-то нацелены на руководителей и административных сотрудников среднего и высшего звена, другие — на узкие группы сотрудников, например на подающих надежды молодых профессионалов, административных сотрудников, выполняющих определенные обязанности, или на представителей уязвимых групп, например женщин.

Способы подачи материала могут включать мастер-классы, конференции, семинары, лекции, анализ кейсов, выезды на места, стажировки, групповые и индивидуальные проекты или независимые исследования. Программы обучения могут проходить

на базе многолетних организаций-партнеров, как это часто бывает при реализации европейских инициатив, направленных на международное сотрудничество в целях содействия развитию. Обучение может проходить очно и/или онлайн.

Частота и продолжительность встреч в процессе обучения тоже различаются. Продолжительность может варьироваться от нескольких дней или недель до — что уже более необычно — нескольких месяцев или даже превышать один год. Если говорить о структуре и содержании, то одни программы довольно стандартны и построены на базе уже имеющихся материалов, а другие специально разрабатываются в соответствии с пожеланиями заказчика или потребностями участников. Иначе говоря, в плане содержания, подходов, условий и клиентуры возможностей действительно море.

Проявляющиеся очертания в море многообразия

Несмотря на формальное и функциональное многообразие программ подготовки руководящих кадров для высшего образования в мире, собранные к настоящему моменту данные позволяют выявить ряд ключевых тенденций.

Во-первых, сфера подготовки руководящих и управленческих кадров для высшего образования переживает во всем мире период роста. Это выражается в появлении начиная с 2000 года огромного числа подобных программ. Впрочем, важно отметить, что программы подготовки кадров для высшего образования и программы по развитию лидерских качеств распространены преимущественно в благополучных странах либо же реализуются и финансируются организациями с «глобального Севера».

Данные о количестве участников программ есть не всегда, но для большинства программ, публикующих такую информацию, характерны небольшие группы, не более 50 участников. К тому же контингент программ обычно довольно однороден: не принято объединять разные (например, по должностному положению) категории слушателей в одной учебной группе. Нельзя утверждать, что развитию навыков женщин, работающих в сфере высшего образования, уделяется особенное внимание, хотя среди студентов и преподавателей (по крайней мере на стартовых позициях) женщин во всем мире много.

Пока в мире не существует четкой «типологии» для описания организаций, занимающихся обучением, или подходов к обучению.

Программы подготовки кадров обычно длятся недолго, чаще всего — от нескольких дней до одной-двух недель. Они обычно платные и не предполагают получения никакого официального сертификата, кроме свидетельства о посещении курса. Наконец, нельзя утверждать, что руководители программ проводят оценку своей работы, позволяющую оценить ее результаты и эффективность в среднесрочной или в долгосрочной перспективе. Оценка обычно ограничивается сбором отзывов участников или организаций-партнеров и не предполагает разработки инструментов по отслеживанию и анализу эффективности пройденного курса для участников или для вузов, в которых они работают. Одним из наиболее часто упоминаемых положительных результатов таких образовательных программ является неформальное общение с коллегами, но преобразовать подобный результат в какой-то измеримый показатель сложно.

Нужно больше? Да!

Большинство руководителей и управленцев в сфере высшего образования в мире не обладают соответствующим формальным/специализированным образованием. По мере расширения и диверсификации систем высшего образования растут и требования к вузам: они должны и выполнять нормы эффективности, и давать первоклассное образование, и разрабатывать инновации, так что потребность в эффективных управленческих кадрах становится все более и более актуальной. Однако существующие на данный момент возможности в сфере подготовки нужных кадров категорически не отвечают современным потребностям. Хотя проведенная исследователями из бостонского Центра по изучению международного высшего образования и Международной ассоциации университетов «опись» была нацелена на поиск определенного типа курсов, в общей сложности в их список вошло менее 120 программ по всему миру. Это преимущественно небольшие, короткие программы в странах «глобального Севера» (или реализуемые организациями из этих стран), которые не проводят целенаправленной оценки своей средне- и долгосрочной эффективности. В общем, пока они не могут обеспечить реальную широкомасштабную поддержку, в которой нуждаются системы высшего образования по всему миру, особенно в бедных странах и странах с переходной экономикой. Именно в этих странах особенно остро стоит проблема наращивания потенциала управленческих кадров путем реализации высококачественных и актуальных обучающих программ. Чтобы обеспечить вузы двадцать первого века высокопрофессиональными административными кадрами, следует вложить гораздо больше исследовательских ресурсов в изучение организаций, занимающихся обучением управленческих кадров во всем мире, а также их эффективности.

Псевдоконференции как случай академического каннибализма

Джеймс МакКрости

Джеймс МакКрости — профессор факультета делового администрирования Университета Дайто Бунка (Токио, Япония). E-mail: jamesm@ic.daito.ac.jp.

Псевдоконференции начали распространяться в академической среде около 20 лет назад и уже количественно превосходят настоящие конференции, организуемые научными сообществами. В настоящее время псевдоконференции проходят практически каждый месяц во всех крупных городах — от Токио до Торонто, от Сиднея до Хельсинки. Конкуренция между недобросовестными компаниями, устраивающими такие «конференции», настолько усилилась, что они стали обращать свое внимание и на маленькие города. Существуют даже специальные сайты-агрегаторы, которые направлены на продвижение исключительно таких псевдоконференций. Учитывая одно только количество таких мероприятий (их еще можно назвать сомнительными конференциями), да еще и постоянно растущий профессионализм компаний, которые занимаются их организацией, любую незнакомую конференцию стоит поначалу рассматривать как сомнительную, пока не доказано иное.

Что такое псевдоконференция?

Организаторов псевдоконференций можно отличить по трем критериям: они проводят встречи низкого академического уровня, их основная цель — не продвижение науки, а прибыль; у них нет системы рецензирования, так что любой человек может купить право выступить; они прибегают к обману, часто дезинформируя потенциальных участников о системе отбора выступающих, скрывая подлинное местонахождение своей компании и замалчивая ее чисто коммерческую природу.

В этой статье я не буду — за редким исключением — называть конкретных организаторов псевдоконференций поименно, и тому есть две причины. Во-первых, многие компании тщательно отслеживают все, что о них пишут, и быстро вносят формальные изменения в публикуемую на их сайтах информацию, чтобы попытаться отделаться от ярлыка «псевдо». Во-вторых, подобные компании регулярно меняют свое название или используют различные бренды при организации своих конференций. К примеру, компания OMICS International, против которой Федеральная торговая комиссия США недавно подала иск

по делу о недобросовестной конкуренции, использовала при проведении псевдоконференций как минимум четыре разных бренда: Conference Series, Pulsus Group, EuroSciCon и Life Science Events.

Некоторые подобные компании начинали в качестве недобросовестных издательств, а затем расширили свой бизнес и стали заниматься конференциями. Другие с самого начала специализировались исключительно на организации конференций, хотя иногда они становятся поставщиками статей для недобросовестных издателей. Владельцами самых хорошо продуманных компаний по организации псевдоконференций нередко являются университетские преподаватели, которым иногда заодно удается убедить коллег войти в оргкомитет. Многие, но далеко не все компании по организации псевдоконференций расположены в Азии, в частности в Гонконге, Индии, Китае, Малайзии, на Тайване. Впрочем, в развитых странах вроде Великобритании, Канады, США и Японии их тоже много.

Опасность

Очень многие ученые полагают, что проблема псевдоконференций не заслуживает большого внимания, особенно если в их областях выступления на конференциях и публикации таких выступлений менее важны по сравнению с журнальными статьями. Тем не менее псевдоконференции угрожают стабильности академической башни из слоновой кости. Из-за отсутствия настоящей системы рецензирования псевдоконференции делают возможной публикацию любых, самых низкокачественных, списанных или вообще липовых «исследований». На псевдоконференциях обсуждают вопросы о том, как ООН выдумала СПИД ради сокращения населения планеты и что глобального потепления, оказывается, вообще не существует.

Организаторы псевдоконференций зачастую совмещают несколько таких «конференций» в одной переговорной в каком-нибудь отеле, так что участники вынуждены слушать доклады по темам, к которым они не имеют никакого отношения; к тому же таким образом организаторы облапошивают неискушенных, но приехавших с благими намерениями ученых, которые тратят свое время и средства на посещение подобных мероприятий. Даже если добросовестный ученый случайно оказывается на таком мероприятии, его репутация может быть подпорчена, если его имя впоследствии будет встречаться рядом с бредовыми названиями выступлений, опубликованных в материалах «конференции». Более того, по мере расширения бизнеса компании — организаторы псевдоконференций начали выкупать настоящие издательства и компании по организации настоящих конференций, стирая тем самым грань между добросовестным и недобросовестным. Научные общества, чье финансовое благополучие зависит от проводимых ими ежегодных конференций, неожиданно для себя оказываются вынуждены конкурировать с постоянно разрастающимися псевдоконференциями.

Некоторые подобные компании начинали в качестве недобросовестных издательств, а затем расширили свой бизнес и стали заниматься конференциями.

Враг внутри нас

Основная причина, почему проблема псевдоконференций стала такой насущной, состоит в том, что исследователи и научные организации, по сути, никак ей не занимаются. Не делается практически ничего для того, чтобы предупредить вузы и ученых об опасности, и уж тем более для того, чтобы наказать тех, кто участвует в таких «конференциях» или помогает их организовывать. Отговорка состоит в том, что в подобных мероприятиях участвуют только молодые ученые или ученые из развивающихся стран. На самом деле ученые из западных университетов тоже часто выступают на псевдоконференциях и даже помогают их организовывать. Ослепленный эмоциями человек, который радуется приглашению открыть конференцию, часто по незнанию не замечает поводов для тревоги. Впрочем, к сожалению, многие люди осознанно участвуют в таких мероприятиях. Представители стран и дисциплин, в которых выступлениям на конференциях уделяется большое внимание, намеренно используют псевдоконференции, чтобы раздуть свое резюме ради получения повышения или новой работы. Нередки связи между организаторами псевдоконференций и недобросовестными издателями; последние за дополнительную плату публикуют тексты выступлений в своих журналах. К сожалению, многие исследователи воспринимают возможность такой публикации как преимущество, а не как проблему.

Настораживает и то, что, как обнаружилось в ходе моего исследования, ученые, участвующие в псевдоконференциях, очень редко признают свои огрехи или огрехи организаторов. Даже когда им предоставляют доказательства сфальсифицированных рецензий, замаскированных коммерческих компаний или кражи персональных данных, уличенные в подобном ученые все равно отказываются дистанцироваться от псевдоконференций. Наиболее ценным источником информации о компаниях — организаторах псевдоконференций оказываются их сотрудники, бывшие или нынешние, которым претит деятельность их работодателя.

Университеты развитых стран регулярно становятся местом проведения псевдоконференций; по-видимому, их желание заработать на аренде перевешивает репутационные риски. В конце сентября 2016 года, например, я написал в Кларк-колледж Кембриджского университета о том, что в марте 2017 года у них запланирована «Международная конференция по образовательным и информационным технологиям (ICEIT)», организатором которой выступало недобросовестное «Американское исследовательское общество». Я указал, что, хотя эта ассоциация называет себя некоммерческой организацией, на самом деле она зарегистрирована в Китае как коммерческая компания. Я добавил, что на одну из своих предыдущих «конференций» эти организаторы приняли поданный мной бессмысленный текст, сгенерированный в программе SCIgen, и что можно доказать их связь как минимум с восемью другими аналогичными компаниями и недобросовестными издателями. Но максимум, что удалось сделать, — это заставить администраторов «конференции» убрать логотип колледжа со своего сайта. После того как новости об этом появились в прессе, компания сменила свое название на «Азиатское исследовательское общество» и в марте 2018 года провела конференцию ICEIT в Колледже Святой Анны Оксфордского университета.

Слишком многие исследователи рассматривают псевдоконференции как возможность съездить в командировку и заодно развлечься. Не случайно многие псевдоконференции проводятся на Бали, в Майами или на Гавайях. После моего выступления на эту же тему на одной японской конференции ко мне подошел один из слушателей и горько пожаловался, что я рискую лишить людей всех удовольствий. «Удовольствие» заключается в том, чтобы съездить зимой в какое-нибудь теплое местечко за счет научного фонда. Я посетил несколько псевдоконференций в Токио и заметил, что выступающие редко остаются после своего доклада. Они быстро покидают гостиницу в компании своих родственников с туристическими путеводителями — видимо, чтобы собрать важные исследовательские данные в токийском «Диснейленде».

Что можно сделать?

Простого ответа нет. Нужно лучше информировать аспирантов и членов профессорско-преподавательского и административного состава вузов об угрозах, с которыми сопряжено участие в псевдоконференциях. Те, кто в результате искренней ошибки случайно оказываются на псевдоконференциях, должны предостерегать своих коллег и широкое академическое сообщество. Университеты должны принимать более серьезные меры по борьбе с псевдоконференциями, не проводить их у себя и перестать нанимать, повышать и финансировать ученых, которые участвуют в подобных мероприятиях или их организуют.

.....

Борьба с академической коррупцией: контроль качества и аккредитации

Джудит С. Итон

Джудит С. Итон – председатель Совета по аккредитации высших учебных заведений, Вашингтон, США. E-mail: eaton@chea.org.

Когда в 2016 году Международная группа по качеству при Совете по аккредитации высших учебных заведений (CHEA/CIQG) выпустила «Рекомендации по повышению эффективности мер в сфере борьбы с коррупцией и поддержания профессиональной этики», члены группы хотели привлечь внимание профессионального сообщества к животрепещущей проблеме академической коррупции. Авторы описывают рекомендации как «...сигнал профессиональному образовательному сообществу всего мира — особенно структурам, отвечающим за контроль качества... в развитых и развивающихся странах, — к противодействию и преодолению коррупции» и позиционируют документ как возможность сделать шаг вперед и начать всерьез заниматься этой темой.

Впрочем, решить, как именно системы контроля качества и аккредитации, которые являются основным средством обеспечения качества высшего образования во всем мире, могут более конструктивно и изобретательно играть руководящую роль в этой борьбе, непросто. Сложно также определить рамки того, что считать основной проблемой. «Академическая коррупция» в высшем образовании — это комплексное явление, которое включает в себя множество вещей — от взяточничества и мошенничества до вымогательства и пр. Это становится понятно при изучении определений, данных «Трансперенси Интернешнл» и различными уважаемыми словарями, или при выработке рабочего определения (как это делали авторы «Рекомендаций...» или создатели ETICO — портала ЮНЕСКО об этике и коррупции в образовании).

Основные вопросы

Для профессионального сообщества в сфере контроля качества/аккредитации есть три ключевых вопроса. Во-первых, мы привыкли рассматривать борьбу с коррупцией сквозь привычную призму обеспечения академической этики. Было бы правильно определиться с тем, можно ли использовать обеспечивающие академическую этику инструменты в качестве инструментов борьбы с коррупцией. Можно предположить, что это не одно и то же. Во-вторых, мы, вероятно, еще не до конца осознаем роль коррупции в жизни вузов и отдельных программ. Возможно, нам нужно повысить уровень информированности об этой проблеме.

В-третьих, чтобы успешно бороться с коррупцией, нужны дополнительные средства, которые бы позволили оценить и учесть неизбежные культурные различия в понимании того, что считается коррупцией в разных странах.

Рассмотрение роли структур по контролю качества/аккредитации в борьбе с коррупцией сквозь призму обеспечения академической этики убедило нас в том, что мы уже боремся с коррупцией и вряд ли можем делать больше. Мы хвалим себя за те обязательства, которые мы уже на себя взяли; за стандарты и принципы контроля качества/аккредитации, которые требуют, чтобы руководители вузов и образовательных программ их поддерживали и предпринимали шаги для соблюдения академической этики. Сюда относятся стандарты и принципы, призывающие, к примеру, к профессиональной добросовестности в работе со студентами и широкой общественностью, к соблюдению высочайших этических стандартов в преподавании и науке, к полной прозрачности в ведении вузовских дел.

Но вопрос в том, адекватны ли существующие стандарты и принципы? Не кажется ли нам, что борьба с коррупцией подразумевает нечто большее, чем просто призывы к преподавателям и административным сотрудникам соблюдать академическую чистоплотность? Существуют ли, например, какие-то подходы, позволяющие обеспечить нетерпимость студентов и преподавателей к плагиату, помимо призывов к порядочности, которые тоже, безусловно, важны? Принимаются ли какие-то меры, позволяющие предотвратить использование современных технологий для подделки учебных ведомостей и других документов, помимо заявлений о том, что подобное не должно происходить? Что помимо порицания подобной практики нужно сделать, чтобы остановить продажу оценок или коррупцию при поступлении? Наставления и увещевания на тему академической этики, безусловно, необходимы, но они не должны подменять собой конкретные действия по противодействию коррупции, как написано в «Рекомендациях...».

Если говорить о повышении осведомленности о проблеме коррупции, некоторые представители профессионального сообщества в сфере контроля качества/аккредитации говорят, что в этом нет необходимости, потому что коррупция еще не воспринимается ими как важная проблема. Они редко сталкиваются с коррупцией в процессе оценки вузов или образовательных программ. Так зачем же им тратить свои и без того ограниченные ресурсы на эту проблему, раз даже предварительной информации о коррупции так мало? А в тех редких случаях, когда они все же сталкиваются с коррупцией, неужели нет других структур, которые должны вступить в дело и взять ответственность на себя? Сложилось мнение, что коррупция, даже академическая, — это проблема, которой должны заниматься власти, правоохранительные органы или суд.

Также необходимо признать, что, как бы ни была сильна система высшего образования в той или иной стране, коррупция может попадаться — и попадается — везде, и с этим нужно что-то делать. Ищем ли мы коррупционную составляющую в процессе рецензирования статей? Существует ли список показателей или триггеров, появление которых ведет к усиленной проверке на коррупцию? Есть ли антикоррупционный список контрольных вопросов? Какие характерные признаки коррупции должны уметь выявлять рецензенты? Это, конечно, не самые приятные вопросы, но другие контролирующие органы не могут рассматривать проблему коррупции изолированно, если органы по контролю качества/аккредитации утверждают, что тот или иной вуз соблюдает требования академической этики.

Если же говорить о культурной вариативности, то понимание того, что считать коррупцией, различается в зависимости от страны, причем иногда существенно. В одних странах, например, к плагиату относятся спокойно, а в других — нет. Где-то кумовство считается приемлемым, где-то — нет. В одних странах продажа мест при поступлении или продажа дипломов считается коррупцией, а в других это явление воспринимается как досадное, но неизбежное. Хотя лидеры профессионального сообщества в сфере контроля качества/аккредитации легко договорились о единых порядках в ряде вопросов (таких, как роль руководства вузов, значимость научных исследований, ориентированность на интересы студентов), из-за упомянутых выше культурных различий прийти к единому пониманию коррупции оказалось сложнее.

Когда дело касается академической коррупции, недостаточно просто сформулировать единые обобщенные принципы, под которыми все мы могли бы подписаться и которые при этом предусматривали бы возможность для вариаций в практике обеспечения контроля высшего образования в разных странах.

Что делать дальше

Когда дело касается академической коррупции, недостаточно просто сформулировать единые обобщенные принципы, под которыми все мы могли бы подписаться и которые при этом предусматривали бы возможность для вариаций в практике обеспечения контроля высшего образования в разных странах. Конечно, такой традиционный подход будет небесполезен, но ограничиваться им нельзя. Помимо того что мы занимаемся академической этикой, еще мы должны усилить борьбу с коррупцией путем разработки дополнительных стандартов качества/аккредитации, которые бы акцентировали внимание именно на коррупции. Нужна дополнительная подготовка кадров с целью повышения эффективности выявления коррупции в колледжах и университетах в рамках нашей текущей работы по их проверке. Мы можем составить схему того, что считается (или не считается) коррупцией в разных странах. Ставки очень высоки, поскольку потенциально коррупция может нанести колоссальный вред студентам, работодателям и обществу — и вообще скомпрометировать высшее образование.

Академическая коррупция — это неудобная проблема для тех, кто занимается контролем качества. Нам понадобится время и желание, чтобы справиться с неловкостью, которая мешает более плотно заняться этой проблемой и взять на себя руководящую роль. В перспективе идеи, перечисленные в этой статье, могут стать частью действенной реакции на призывы авторов «Рекомендаций...».

Ослабление роста международной студенческой мобильности

Дирк ван Дамме

Дирк ван Дамме — начальник отдела Управления образования и профессионального обучения ОЭСР. E-mail: dirk.vandamme@oecd.org.

Количество международных студентов в последние десятилетия стабильно росло. По данным ОЭСР и Института статистики ЮНЕСКО, если в 1995 году за пределами своей страны обучалось 1,7 млн человек, то в 2012 году — уже 4,5 млн. Понятно, почему это происходит. Международную студенческую мобильность можно в какой-то мере считать последствием мирового академического неравенства. Студенты переезжают

в другие страны в поисках лучшего образования, которое они могут себе позволить. Международная студенческая мобильность — это один из способов преодоления географического разрыва между спросом и предложением. С ростом своей покупательной способности зажиточные представители среднего класса стран с переходной экономикой предпочитают инвестировать в образование своих детей, чтобы обеспечить их хорошим дипломом. Некоторые страны быстро нащупали новые возможности и придумали стратегии по продвижению своих образовательных услуг. Международная студенческая мобильность — это одно из самых ярких проявлений глобализации в сфере высшего образования.

Многие предполагали, что рост мобильности продолжится и даже ускорится, но этого не произошло: в 2012 году темпы роста упали практически до нуля. За период с 2012 по 2015 год к существовавшим до этого 4,5 млн студентов прибавилось лишь 100 тысяч. Цифры, опубликованные в докладе ОЭСР «Коротко об образовании» за 2017 год, позволяют сделать вывод о том, что мы наблюдаем не временный регресс, а новый структурный феномен.

Расширение высшего образования в развивающихся странах

Каковы причины таких изменений? Для этого, вероятно, нужно изучить, как менялась ситуация со спросом и предложением. Если говорить о спросе, то дело, очевидно, в повышении качества образования внутри стран, из которых уезжало больше всего студентов. Китай и в меньшей степени Индия много вложили в развитие собственного высшего образования, в том числе в специально отобранные передовые вузы, которым предназначено уже в ближайшие годы стать университетами мирового класса. Китайские университеты настойчиво карабкаются вверх в международных рейтингах, с каждым годом улучшая свои позиции. Китай стал мировым лидером по темпам роста научной продуктивности. Изменившаяся ситуация в стране повлияла на инвестиционные стратегии зажиточного среднего класса. А еще власти Китая стали более тщательно отслеживать и контролировать поток исходящей студенческой мобильности.

Международным студентам больше не рады

Но падение роста международной мобильности нельзя объяснить только изменениями на стороне потребителей. Пул тех, кому потенциально было бы интересно получить образование за рубежом, во всем мире по-прежнему огромен, поэтому нужно также понять, что происходило с предложением, что именно изменилось в наиболее привлекательных для международных студентов странах. Очевидно, что страны, которые являются основными экспортерами образовательных услуг, претерпели серьезные изменения.

Некогда доброжелательный и благосклонный подход к международным студентам сменился на враждебный, причем как на политическом, так и на народном уровне. Это уже произошло в Австралии, Великобритании и США и начинает происходить в Нидерландах, Швейцарии, Швеции. Отрицательное в целом отношение к миграции только усугубилось на фоне кризиса с наплывом беженцев, из-за чего кардинальным образом изменилось и отношение к иностранным студентам. Каждый день в СМИ слышатся популистские и зачастую неоправданные обвинения в том, что иностранные студенты хотят только одного — осесть в принимающей стране, что они отнимут рабочие места у местных.

В 2017 году исследователи проекта Open Doors Института международного образования опубликовали доклад о международных образовательных обменах, согласно которому количество новых международных студентов в вузах США снизилось на 7%. Представители большей части (52%) опрошенных в ходе исследования вузов выразили озабоченность новым социально-политическим климатом в стране, который может отпугнуть иностранных студентов. А по данным доклада «Ключевые показатели в сфере естественных и инженерных наук», изданного в 2018 году Национальным советом по делам науки (это управляющий орган Национального научного фонда США), приток студентов из Индии в США снизился на 19%. Из-за сокращения притока международных студентов, в особенности магистрантов и аспирантов, многие научные лаборатории в американских университетах столкнулись с проблемой нехватки персонала.

В Великобритании доля иностранцев среди студентов университетов с 2013 года держится на уровне около 19%. По данным Комиссии по приему в университеты и колледжи на конец 2017 года, наблюдается небольшое снижение в количестве абитуриентов из стран ЕС. В университетском секторе Великобритании всем уже ясно, что последствия брекзита отпугивают европейских студентов. На политическом уровне сейчас обсуждается вопрос о том, стоит ли исключить иностранных студентов из правительственной программы, нацеленной на снижение чистой иммиграции. Даже если правительство примет решение в пользу международных студентов, скорее всего, общее ощущение нестабильности и негативное отношение к иммигрантам в Великобритании останутся для них сдерживающим фактором. Ректоры вузов пытаются противостоять этому недоброжелательному климату — например, публикуя результаты исследований, которые демонстрируют положительный эффект присутствия международных студентов для местной и региональной экономики. По данным одного из последних исследований, вклад иностранных студентов в экономику Соединенного Королевства в 10 раз превышает затраты налогоплательщиков на них.

Похожим образом развивается ситуация и в других популярных у международных студентов странах. Еще пару лет назад эти страны соревновались друг с другом за привлечение международных студентов на платные образовательные программы. Теперь же они больше не пытаются переманить к себе иностранцев, которых другие страны потеряли. Наоборот, они тоже охлаждаются по отношению к международным студентам. По крайней мере, такое складывается впечатление, если посмотреть на то, что происходит в Австралии, Нидерландах, Швейцарии или Швеции.

Международную студенческую мобильность можно в какой-то мере считать последствием мирового академического неравенства.

Мир в двадцать первом веке

Меняющиеся спрос и предложение на высшее образование в корне меняют направление и объем потоков международной студенческой мобильности. В каком-то смысле это влияет и на мировое академическое неравенство. С другой стороны, потоки международной студенческой мобильности определяют, где и чему будут учиться профессионалы и лидеры двадцать первого века. В период после Второй мировой войны высшее образование оказалось важным инструментом формирования нового мирового порядка. Аналогичным образом текущие изменения в сфере международного образования окажут огромное влияние на мир в двадцать первом веке.

Привлечение и удержание талантов: международные магистранты и аспиранты в США

Раджика Бхандари

Раджика Бхандари — руководитель по исследованиям, стратегии и практике Института международного образования (ИЕ), Нью-Йорк, США. E-mail: rbhandari@iie.org.

Проект Open Doors проводится Институтом международного образования совместно с Управлением по образовательным и культурным связям Государственного департамента США (www.iie.org/opendoors).

Данные проекта Open Doors за 2017 год были опубликованы в ноябре 2017 года, как раз в то время, когда американское академическое сообщество активно обсуждало вопрос о том, сократится ли приток международных студентов в США. Впрочем, эти новые данные, равно как и результаты нескольких выборочных опросов, проведенных Институтом международного образования и его партнерами — образовательными ассоциациями, показывают, что ситуация неоднозначна. Количество вновь прибывших студентов явно сократилось, что говорит о том, что общее число международных студентов в лучшем случае не увеличится, а в худшем — снизится. Тем не менее было и несколько неожиданных наблюдений: оказалось, что приток международных студентов зависит от типа вуза, его географического местоположения и от того, насколько в него сложно поступить. Тому, что в ряде вузов количество новых международных студентов действительно снизилось, способствовал целый набор факторов, а в целом замедление притока началось еще до политических и общественных пертурбаций 2017 года в США.

Учитывая непредсказуемость того, как будут развиваться события, следует обратить особое внимание на некоторые группы международных студентов. В исследовании Open Doors участвовали международные студенты всех уровней образования, но в этой статье мы поговорим об обучающихся в США иностранных магистрантах и аспирантах.

Чем США привлекают иностранных магистрантов и аспирантов?

Ключевые особенности американской системы высшего образования делают ее привлекательной для студентов и ярких талантов всего мира. Первая особенность — это качество и многообразие вузов в США:

их насчитывается более 4000. Опросы иностранных абитуриентов показывают, что они воспринимают США как лидера по качеству вузов и процесса обучения в целом. Другая особенность, которая привлекает в США магистрантов и аспирантов, заинтересованных в серьезной научной работе, — крупные инвестиции и уклон в науку, технологии и инновации в вузах; хорошая исследовательская инфраструктура; связи вузов с промышленным сектором. Третья особенность — наличие дополнительных профессиональных возможностей типа программы дополнительной практической подготовки (Optional Practical Training, сокращенно — OPT), которая не только дает иностранным выпускникам возможность применить свои знания на практике, но и открывает путь к долгосрочному трудоустройству в США.

Текущие наблюдения

Какие выводы можно сделать на этом фоне о положении иностранных магистрантов и аспирантов на различных этапах «кадрового конвейера» — на этапе поступления, на этапе поиска возможностей сразу после окончания учебы и на этапе получения постоянной работы в США? 36% текущего контингента иностранных студентов в США (или 391 124 человека) обучаются на программах магистратуры или аспирантуры. В абсолютных цифрах количество иностранных магистрантов и аспирантов в США в последние годы стабильно росло, так что по этому показателю США опережают все остальные страны, согласно данным Project Atlas. Тем не менее данные проекта Open Doors о вновь поступивших, основанные на результатах опроса осени 2017 года и двух последних докладах Национального научного фонда и Совета аспирантур, указывают на возможное замедление притока иностранных магистрантов и аспирантов. Аналитики Национального научного фонда выявили почти 6-процентное снижение общего числа иностранных магистрантов и аспирантов с 2016 по 2017 год, а исследование Совета аспирантур показало, что количество новых иностранных магистрантов и аспирантов уменьшилось почти на 3%. Это коснулось в первую очередь магистерских программ и программ профессиональной сертификации и в меньшей степени — исследовательских университетов, что опять же подтверждает, что колебания международных студенческих потоков зависят от типа вуза.

Подавляющее большинство обучающихся в США иностранных магистрантов и аспирантов — выходцы из Азии (73%), причем 50% — из Индии и Китая. Таким образом, объем студенческих потоков из этих стран имеет большое значение. За 2016–2017 год количество новых магистрантов и аспирантов, приехавших в США из Индии, упало на 13%, а из Китая, наоборот, увеличилось на 5%. Несмотря на такие разнонаправленные тенденции, вузы сообщают, что и индийские студенты, и китайские, а особенно магистранты и аспиранты, озабочены потенциальным

введением для них ограничений на рабочие визы или на визы, позволяющие участвовать в программах OPT. При этом, по данным исследовательского центра Pew Research, более половины виз OPT за период с 2012 по 2015 год было выдано именно студентам из Индии и Китая (без учета уровня обучения).

**Подавляющее
большинство
обучающихся в США
иностраннных магистрантов
и аспирантов — выходцы
из Азии (73%),
причем 50% — из Индии
и Китая.**

Итак, OPT — это следующий этап «кадрового конвейера», причем количество международных студентов, переходящих на этот этап, за последние пару лет увеличилось, и все больше и больше студентов хотят получить такой опыт. Таким образом, количество иностранных студентов, которые остаются в американской системе высшего образования после окончания обучения, значительно возросло, а темп притока новых иностранных студентов — нет. По данным на осень 2016 года, в программе OPT участвовало в общей сложности 175 000 студентов, что во многом обусловлено расширением критериев отбора и включением естественнонаучных, инженерно-технических и математических дисциплин: студенты, прошедшие обучение по таким специальностям, получают по условиям программы право остаться в США на 36 месяцев. Большинство (62%) международных магистрантов и аспирантов обучаются именно естественнонаучным, математическим и инженерно-техническим дисциплинам, и многие решили воспользоваться открывшимися в рамках OPT возможностями. В результате сложилась ситуация, когда виз на участие в OPT иностранных магистрантов и аспирантов выдается много, а квоты на визы H1B-типа (временная рабочая неиммиграционная виза) на всех желающих остаться в США не хватает. По данным исследовательского центра Pew Research, на протяжении последних пяти лет количество заявлений на визу H1B-типа превышало имеющуюся квоту. 41% административных работников, которые участвовали в опросе Института международного образования осенью 2017 года и рассказали о снижении притока новых иностранных студентов, указали, что это может быть связано с их страхом не найти работу в США после окончания учебы.

Еще одна проблема с удержанием иностранных магистрантов и аспирантов связана с финансами и с тем, что раньше студенты всегда могли рассчитывать на получение должности научного или учебного ассистента на своем факультете. Еще примерно десять лет назад, в 2006–2007 годах, доля международных студентов, которые могли самостоятельно обеспечить проживание (45,4%), примерно равнялась доли тех, кто получал финансовую поддержку от своего вуза (46,6%), работая в должности научного или учебного ассистента. Доля первых возросла за прошедшее десятилетие до 61%. Это может объясняться рядом факторов, включая увеличение числа международных магистрантов (у них меньше шансов получить стипендию, чем у аспирантов) и общее сокращение финансовой помощи студентам магистратуры и аспирантуры (вне зависимости от гражданства). К тому же за 2008–2016 годы средняя стоимость обучения в магистратуре для иностранцев выросла на 52% в государственных вузах и на 46% в частных.

Нельзя недооценивать вклад иностранных магистрантов и аспирантов в американскую систему высшего образования и создаваемый благодаря им эффект мультипликации. В 2017 году Кевин Ши провел исследование, которое показало, что иностранные магистранты и аспиранты позволяют вузам расширить прием студентов-американцев и одновременно субсидируют их обучение. Многие остающиеся в США после окончания учебы иностранцы служат на благо американской экономики знаний. К примеру, значительная доля компаний Кремниевой долины была основана предпринимателями-иммигрантами, большинство из которых приехали в США на учебу и остались. Многие нобелевские лауреаты, работающие в США, тоже когда-то приехали в страну, чтобы окончить магистратуру или аспирантуру. Наконец, те студенты, которые возвращаются на родину после учебы, помогают налаживать торговые, дипломатические и образовательные связи между своими странами и США, в частности в форме различных исследовательских и других международных проектов.

Что можно, а что нельзя считать международным филиалом вуза: обновленное определение

Стивен Уилкинс, Лора Рамбли

Стивен Уилкинс — доцент факультета бизнеса и права Британского университета в Дубае (ОАЭ). E-mail: stephen.wilkins@buid.ac.ae.

Лора Рамбли — старший преподаватель, заместитель директора Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США). E-mail: rumbley@bc.edu.

По данным аналитического центра Observatory on Borderless Higher Education (OBHE) и исследовательской группы C-BERT, на конец 2017 года в мире насчитывалось 263 международных филиала вузов (МФВ). Хотя это явление уже стало неотъемлемой частью международного высшего образования и имеет несколько определений (свои версии определения опубликовали исследователи OBHE, C-BERT и британская Служба сбора статистики о высшем образовании (HESA)), споры о том, что представляет собой международный филиал вуза, по-прежнему не утихают.

Представителям любой исследовательской области необходимо использовать одну и ту же терминологию, одни и те же определения, иначе читатели рискуют неправильно их понять, а сравнение результатов становится в известной мере бессмысленным. Таким образом, нужно уделить дополнительное внимание вопросу о том, что можно считать международным филиалом вуза, а что — нельзя.

Это определение стало для исследователей надежной отправной точкой. Но оно упускает ряд ключевых характеристик, определяющих саму суть МФВ, — например, использование понятия «филиал» в бизнесе и в высшем образовании.

Анализ текущего определения

Наиболее часто используемым в последние годы толкованием стало определение исследователей группы C-BERT, немного модифицированная версия которого была опубликована в докладе OBHE/C-BERT о международных филиалах вузов в ноябре 2016 года. Согласно этому определению, международный филиал вуза — это «организация, которая хотя бы частично принадлежит иностранному учебному заведению, работает от его имени и предоставляет возможность, никуда не выезжая, окончить учебную программу, по результатам которой выдается диплом иностранного учебного заведения».

Это определение стало для исследователей надежной отправной точкой. Но оно упускает ряд ключевых характеристик, определяющих саму суть МФВ, — например, использование понятия «филиал» в бизнесе и в высшем образовании. Хотя МФВ обычно не считают бизнес-организациями, на самом деле они относятся к транснациональным корпорациям (ТНК), потому что «транснациональной корпорацией» называется любая организация, которая занимается прямыми иностранными инвестициями и осуществляет свою деятельность в разных странах. Коммерческая терминология может помочь разобраться в том, что же такое МФВ, и в итоге прийти к более ясному и более практическому определению.

Определение исследователей из OBHE и C-BERT не только упускает некоторые ключевые характеристики, но и перечисляет ряд совершенно необязательных критериев. В бизнесе, например, если речь идет о банке, гостинице или компании розничной торговли, филиалы вовсе не обязаны везде предлагать совершенно одинаковый набор товаров и услуг. Аналогичным образом, для того чтобы считаться международным филиалом вуза, зарубежному филиалу вовсе не обязательно предоставлять студентам возможность «окончить учебную программу» целиком или выдавать им дипломы. Нужно учитывать, что существует целый спектр возможностей. Образовательные программы, предлагаемые студентам МФВ, должны реализовываться под именем головного вуза, но это не значит, что к МФВ нужно относить центры зарубежного образования, основная задача которых — дать студентам из головного вуза краткосрочную возможность поучиться за границей.

Основные характеристики

Улучшенное толкование МФВ содержит следующие ключевые характеристики.

- Главный критерий — форма собственности. Собственником, или по крайней мере одним из собственников, МФВ является определенный зарубежный вуз. Вузы, поддерживаемые из-за рубежа, вроде Американского университета Бейрута или Британского университета в Дубае, не являются МФВ, т.к. это частные вузы, которые следуют

иностранным образовательным стандартам и зачастую имеют иностранную аккредитацию. Конфедерации и сети университетов вроде Исламского университета Азад с его четырьмя отделениями за пределами Ирана тоже нельзя считать МФВ, т.к. в их случае невозможно выделить один головной вуз.

- Сальдо имеет значение. Транснациональные корпорации инвестируют в зарубежные страны. Обычно это делается для того, чтобы развернуть там свою деятельность. Если головной вуз получает только фиксированную оплату либо комиссию в зависимости от количества студентов, его нельзя считать полноценным «собственником» иностранного подразделения, а значит, нельзя говорить и о МФВ.
- Реальный контроль. Головной вуз может не быть собственником земель или помещений, где работает филиал, но именно ему принадлежит бренд, и именно он отвечает за разработку учебных планов и выдачу дипломов. Власти принимающей страны иногда финансово поддерживают создание филиалов, как сделало, например, правительство Абу-Даби в случае с Нью-Йоркским университетом и Сорбонной, но если мы говорим о подлинном МФВ, то реальная власть в принятии стратегических решений (например, о масштабе деятельности, об учебных планах, о назначении преподавателей) находится, по крайней мере частично, в руках головного вуза. Головной вуз также отвечает за поддержание академических стандартов и обеспечение качества образования.
- Партнерства. Если учебное заведение действительно является МФВ, то об этом так и будет написано и на его собственном сайте, и на сайте головного вуза. Например, на сайте Вестминстерского университета Вестминстерский международный университет в Ташкенте назван партнером, а не МФВ. Такая же ситуация с совместным проектом Сианьского университета Цзяотун и Ливерпульского университета в Китае и совместным колледжем Йеля и Национального университета Сингапура — оба этих учебных заведения родились в результате партнерства, и ни один из университетов-партнеров не называет их МФВ. Но некоторые МФВ находятся в долевой собственности. В качестве собственников-партнеров могут выступать частные предприниматели, коммерческие компании или некоммерческие организации. К примеру, одним из собственников филиала Университета Хериота-Уатта в Дубае является коммерческая компания под названием Study World. Она делит с Университетом Хериота-Уатта доходы от деятельности учебного заведения в Дубае.

- Наличие кампуса. Наконец, учебное заведение, чтобы считать его МФВ, должно обладать соответствующей инфраструктурой, собственным административным комплексом. Слово «кампус» предполагает наличие у учебного заведения земли и зданий, где учащиеся получают опыт студенческой жизни. Впрочем, многие университеты, которые ведут деятельность за рубежом, проводят обучение лишь по одной специальности (или по узкому набору специальностей), арендуя для этого пару комнат в офисном здании, а некоторые вообще не имеют постоянных сотрудников в принимающей стране. Как бы там ни было, у студентов МФВ должен быть как минимум доступ к библиотеке, компьютерному классу и столовой.

Обновленное определение

Пересмотр понятия «международный филиал вуза» привел к выработке нового рабочего определения, перечисляющего ключевые элементы, которыми этот феномен должен в идеале обладать:

«Международный филиал вуза — это организация, одним из (со)владельцев которой является иностранное учебное заведение, которое несет определенную долю ответственности за общую стратегию филиала и за контроль качества. Филиал работает от имени данного иностранного учебного заведения и предоставляет возможность обучаться по программам и/или получить подтверждающие квалификацию документы, которые носят имя головного вуза. Филиал обладает базовой инфраструктурой, включая библиотеку, компьютерный класс и столовую, а опыт студенческой жизни в филиале примерно соответствует опыту обучения в головном вузе».

Существует множество форм реализации транснационального высшего образования. И хотя в этой статье перечисляются некоторые из ключевых характеристик МФВ, учебные заведения этого типа очень непохожи друг на друга. В Малайзии и ОАЭ, например, существуют комбинированные университетские городки, предоставляющие инфраструктуру (вроде столовых и спорткомплексов) в совместное пользование одновременно нескольким вузам. Таким образом, хотя предложенное нами определение является усовершенствованной версией предыдущих, классификация некоторых учебных заведений все равно связана с определенной субъективностью.

Факторы успеха международных филиалов вузов

Ричард Гаррет

Ричард Гаррет — директор аналитического центра «Высшее образование без границ» (Observatory on Borderless Higher Education, OBHE). E-mail: richard.garrett@i-graduate.org.

В ноябре 2017 года аналитический центр «Высшее образование без границ», который занимается темами транснационального образования, онлайн-образования и других инноваций в образовании, опубликовал вторую часть своего последнего доклада о международных филиалах вузов (МФВ). Первая часть, посвященная количественным показателям, была издана в ноябре 2016 года и освещена в весеннем (89-м) номере журнала «Международное высшее образование» за 2017 год. Обе части доклада были подготовлены в сотрудничестве с исследовательской группой C-BERT Университета штата Нью-Йорк в Олбани и Университета штата Пенсильвания. OBHE и C-BERT — ведущие мировые авторитеты по теме международных филиалов вузов. Мы определяем международный филиал вуза как «организацию, которая хотя бы частично принадлежит иностранному учебному заведению, работает от его имени и предоставляет возможность пройти обучение, по результатам которого выдается диплом иностранного вуза».

Вторая часть нашего доклада посвящена факторам успеха международных филиалов, которые признаны состоявшимися. Она подготовлена на основе глубинных интервью с руководителями ряда МФВ, содержит анализ их организационной эволюции, взаимоотношений с головным вузом, их ожиданий и результатов и подводит к выявлению и описанию моделей и практик, необходимых для работы в долгосрочной перспективе. Доклад также содержит обновленный и наиболее полный список действующих МФВ, включая год основания, количество студентов (там, где это возможно) и количество предлагаемых образовательных программ, а также список МФВ, готовящихся к открытию.

Количество МФВ продолжает увеличиваться во всем мире, и к концу 2017 года оно достигло 263. Примерно половина (130) из них основана более десяти лет назад. Тот факт, что за последние десять лет было открыто 133 МФВ, свидетельствует об актуальности и привлекательности этой формы транснационального образования, несмотря на все сопряженные риски и необходимые инвестиции. Высокая степень активности многих МФВ завораживает. Но исследований, посвященных факторам долгосрочной успешности и стабильности МФВ, практически не проводилось.

В последнем докладе рассматриваются восемь успешных МФВ в Австрии, Бельгии, Вьетнаме, Китае, Малайзии, ОАЭ, Сингапуре, Франции и Швейцарии с головными вузами в Австралии, Великобритании, Франции и США, включая Университет Кэртина в Малайзии (головной вуз — Университет Кэртина, Австралия), Азиатско-Тихоокеанскую высшую школу экономических и коммерческих наук (Высшая школа экономических и коммерческих наук (ESSEC), Франция), Технологический институт Джорджии в Лоррене (Технологический институт Джорджии, США), Университет Хериота-Уатта в Дубае (Университет Хериота-Уатта, Великобритания), Королевский технологический институт Мельбурна во Вьетнаме (Королевский технологический институт Мельбурна, Австралия), Брюссельскую школу международных исследований при Университете Кента (Университет Кента, Великобритания), Ноттингемский университет в Нинбо (Китай) и Малайзийский филиал Ноттингемского университета (Ноттингемский университет, Великобритания), женеvский и венский филиалы Вебстерского университета (Вебстерский университет, США).

Глубинные интервью с представителями руководства головных вузов и филиалов, а также получение информации от вузов и изучение данных из открытых источников помогли комплексно оценить факторы, которые способствовали успешной и стабильной деятельности перечисленных МФВ. Опишем основные факторы и поворотные точки.

Институциональная интеграция

Истоки. Создание МФВ зачастую вызвано желанием головного вуза улучшить свою международную репутацию, хотя большую роль, конечно, играют личные связи и правильный выбор момента. Большинство таких вузов уже имеет опыт реализации масштабных международных партнерств и работы за рубежом.

Институциональная интеграция. Во всех рассмотренных случаях филиал активно поддерживается высшим руководством головного вуза и интегрирован в его академическую и административную структуру, а вовсе не отделен или изолирован.

Самоопределение. Ни один из респондентов из числа руководителей МФВ не использовал термин «филиал вуза» в своей речи; большинство предпочло терминологию, в которой речь идет о едином вузе с широким международным присутствием.

Коллективное руководство. Руководство филиалов и головных вузов работает во взаимодействии и находится в постоянном контакте. Решения принимаются в результате совместных обсуждений, при этом МФВ обладают определенной автономией.

Оценка успешности. Головные вузы отслеживают, оценивают и поддерживают развитие МФВ, хотя МФВ действуют относительно автономно, продвигаясь к поставленным целям.

Поддержка со стороны принимающей страны и ресурсы

Эволюция отношений. Отношения с местными партнерами и/или с правительством принимающей страны со временем изменяются. К примеру, на момент открытия Университета Хериота-Уатта в Дубае в 2005 году еще не существовало Управления образования и развития человеческого потенциала (KHDA) — надзорного органа при правительстве ОАЭ, отвечающего за качество образования. А сейчас две эти организации тесно сотрудничают. Отношения с местными партнерами адаптируются к изменяющимся потребностям и возможностям.

Финансы и ресурсы. И для головных вузов, и для филиалов качество образования превалирует над прибылью, хотя, конечно, целью МФВ является финансовая самоокупаемость. Некоторые их обследованных МФВ работают в убыток или в какой-то период субсидируются головным вузом. Как правило, чистый доход — полностью или частично — реинвестируется в МФВ. Иногда финансирование находится в зависимости от ограничений, накладываемых властями принимающей страны.

Местоположение. МФВ обычно располагаются рядом с другими МФВ или иного рода международными образовательными центрами. Иногда выбирается иная локация, например по причине связей на местах или в связи с особенностями миссии вуза.

Нормативно-правовая среда и академическое сообщество

Сотрудничество. Руководители состоявшихся МФВ подчеркивают значимость поддержания конструктивных рабочих отношений с местными регулирующими органами и соблюдения местного законодательства.

Исследования. В тех МФВ, которые ведут научную работу, ее характер зависит от потребностей и возможностей локальной, региональной или национальной среды. МФВ, которые занимаются исследованиями, активно сотрудничают со своими головными вузами в этой области.

Преподаватели и сотрудники. С течением времени МФВ начинают отдавать предпочтение преподавателям, живущим в принимающей стране, и избегают модели «перелетных преподавателей». МФВ, которые давно вышли на рынок, уже ввели у себя программы повышения квалификации для академического персонала и внедрили элементы академической жизни, характерные для родных стран, особенно в отношении педагогики и оценки результатов обучения студентов.

Связи с выпускниками. МФВ признают, что одним из ключевых аспектов успешности в долгосрочной перспективе является поддержание связей со своими выпускниками, но пока в большинстве случаев эта работа находится на этапе становления.

Студенты

Студенческий контингент. По мнению руководителей МФВ, их студенты — это довольно международная или по крайней мере международно ориентированная категория молодежи, открытой новым образовательным моделям. В МФВ обычно учится довольно много международных студентов, равно как и местных (в зависимости от страны).

Частичное тиражирование. Вузы подчеркивают, что везде, в том числе в МФВ, соблюдают единые академические стандарты и процедуры. В других вопросах, таких, как спектр предлагаемых образовательных программ, модель комплектования кадров, расшифровка тарифов за обучение и т.д., могут наблюдаться различия в соответствии с местными нормами и потребностями.

Студенческая мобильность. Хотя обычно мобильность между головным вузом и МФВ является для последнего приоритетом, она не всегда развита так сильно, как хотелось бы, и зачастую асимметрична.

Онлайн-образование. Потенциально можно было бы использовать онлайн-технологии для того, чтобы связывать между собой студентов и учебные программы из разных мест, но пока такие возможности используются мало.

Руководители состоявшихся МФВ подчеркивают значимость поддержания конструктивных рабочих отношений с местными регулирующими органами и соблюдения местного законодательства.

В полной версии доклада (объемом 90 страниц) вы найдете более подробное описание восьми исследованных МФВ, включая цитаты респондентов из числа руководителей МФВ. Членам ОВНЕ обе части доклада доступны бесплатно, все остальные могут приобрести доклад. Для того чтобы получить доступ к докладу или купить его, пишите на info@obhe.org.

Долги по студенческим кредитам в США: слова vs реальность

Сэнди Баум

Сэнди Баум — сотрудница аналитического центра Urban Institute, Вашингтон, США. E-mail: sbaum@urban.org.

Мысль о том, что долги по студенческим кредитам «сокрушили целое поколение», красной нитью проходит через все дискуссии о высшем образовании, которые идут в США. СМИ часто сообщают о людях, которые мало зарабатывают и не справляются с долгами за образование, а политические деятели постоянно заявляют о том, что планируют «покончить с долгами» в сфере высшего образования. Действительно, высшее образование в США поражено рядом существенных систематических проблем, но большинство историй, которые всплывают в СМИ, нельзя назвать типичными. Реальные проблемы отодвигаются на второй план в свете постоянных громких призывов снизить бремя, которое ложится на плечи выпускников вузов, при том что это одна из тех групп населения, перед которыми открываются самые многообещающие перспективы.

Поскольку существует связь между высоким уровнем образования и высокими доходами, держатели долгов по студенческим кредитам обычно живут довольно обеспеченно. В 2013 году почти половина всех невыплаченных долгов за образование приходилась на 25% самых высокодоходных домохозяйств, а на 25% самых бедных домохозяйств приходилось лишь 11%. Сложнее всего сводить концы с концами тем, кто никогда не учился в колледже или даже не окончил школу. Некоторые заемщики действительно сталкиваются с серьезными трудностями, которые государство должно решить. Но предложения о всеобщем облегчении долгового бремени по студенческим займам наиболее выгодны для людей с относительно высоким доходом.

Мысль о том, что долги по студенческим кредитам «сокрушили целое поколение», красной нитью проходит через все дискуссии о высшем образовании, которые идут в США.

Основные факты о долгах за обучение

Журналисты регулярно находят героев с ужасающими долгами по образовательным кредитам и плохими перспективами трудоустройства, но на самом деле у двух третей всех заемщиков остаток по долгу не превышает 25 000 долларов США. Лишь 5% задолжали более 100 000 долларов. Две трети выпускников, чей долг на момент получения диплома превышает 50 000 долларов, и 94% тех, чей долг превышает 100 000 долларов, имеют как минимум степень магистра. Среди тех, кто брал кредит на учебу и получил степень бакалавра государственного или некоммерческого частного вуза в 2015–2016 году, долг достиг в среднем 28 400 долларов, а 40% выпускников этого года вообще не брали кредит на образование. Это не так уж страшно, если учитывать, что в 2015 году медианный доход молодежи 25–34 лет с дипломом бакалавра превышал доходы их сверстников, не продвинувшихся дальше старшей школы, на 18 900 долларов в год.

Впрочем, долговые объемы в последнее время стремительно выросли. За период с 2003–2004 по 2011–2012 учебный год доля бакалавров, которые брали кредит на 40 000 долларов (в долларах 2012 года) или более, увеличилась в среднем с 2% до 18%: с 1% до 12% — в государственных колледжах и университетах (которые выдают почти две трети от общего числа бакалаврских дипломов), с 4% до 48% — в коммерческом секторе (на 2011–2012 год на него приходилось 8% бакалаврских дипломов).

В разговорах о «студенческом долговом кризисе» все время забывают о том, что группы студентов различаются между собой. К примеру, среди молодежи до 23 лет, которая получила степень бакалавра в 2011–2012 году, лишь 11% студентов накопили долг в размере 40 000 долларов, в то время как среди выпускников, которые завершили обучение в возрасте 30 лет или старше, таковых насчитывалось 30%. Бакалавры-афроамериканцы реже завершают обучение без долгов, в отличие от представителей других рас / этнических групп, и гораздо чаще накапливают долг, превышающий 40 000 долларов. Этому способствуют, скорее всего, такие факторы, как низкий уровень дохода афроамериканских семей, непропорционально высокая популярность коммерческих вузов среди темнокожих студентов и тот факт, что они тратят в среднем больше времени на то, чтобы завершить образовательную программу.

Когда заемщики не могут погасить долги

Федеральные программы содействия в погашении образовательных кредитов привязывают размер ежемесячных выплат к доходу и тем самым ограничивают их некой разумной суммой. Сегодня в таких программах участвует около трети заемщиков. Но, в отличие от других стран, в США студентам нужно преодолеть множество бюрократических препятствий, чтобы попасть в такую программу, и многие не справляются с этой задачей.

Чаще всего это случается с теми, у кого низкий уровень задолженности: у двух третей неплательщиков размер долга не превышает 10 000 долларов. Среди тех, кому не удалось завершить обучение, процент невозврата в 2–3 раза выше, чем среди тех, кто получил диплом. Он также выше среди студентов, которые брали кредит на обучение в коммерческих вузах или государственных колледжах двухгодичного образования, чем среди студентов, которые учились по четырехгодичным программам в государственных или частных некоммерческих колледжах и университетах. Повторюсь, героями первых полос обычно становятся не типичные студенты, а иные представители студенческого контингента: самостоятельные взрослые люди, которые хотят получить профессию и которые с большой долей вероятности столкнутся с проблемами при возврате долга.

Многообещающие решения

Паникерская риторика вокруг долгов по образовательным кредитам отвлекает от действительно серьезных проблем, для решения которых не требуется кардинально трансформировать систему финансирования высшего образования или необдуманно и непропорционально перекладывать экономическое бремя с людей, которые пользуются благами образовательной системы, на всех налогоплательщиков в целом. Слишком много людей берут кредиты на обучение по программам, которые они вряд ли окончат, а даже если и окончат, то вряд ли смогут найти хорошую работу. В результате недавнего кризиса проблемы только усугубились. Многие взрослые люди, которые не могли трудоустроиться, решили снова пойти учиться, причем в дорогие коммерческие вузы. А стоимость обучения в государственных колледжах так быстро выросла, что возможности семей по оказанию финансовой помощи своим детям-студентам снизились. В итоге выпускники выходили на рынок труда в период ослабленной экономики и высокой безработицы.

Разработка узконаправленных мер представляется более справедливым и разумным путем, нежели широкомасштабные меры по облегчению долга. Американским абитуриентам нужны более эффективные программы подготовки к поступлению в вузы, больший контроль за качеством послешкольного образования и более адекватные программы финансовой поддержки обучающихся. США следует ввести более строгие критерии для вузов, которые имеют право участвовать в федеральных программах финансовой поддержки студентов, и предложить дополнительные стимулы, которые заставят вузы улучшить результаты работы и снизить уровень долгов по студенческим кредитам. Нужно ограничить объем заемных операций, снизив кредитный лимит для студентов вечерних отделений и начав отслеживать студентов, которые переводятся из вуза в вуз, с тем чтобы они не могли беспрепятственно накапливать долги, так и не получив при этом ни одного диплома. А еще нужно запре-

тить магистрантам и аспирантам, а также родителям студентов бакалавриата брать кредит на полное покрытие студенческих расходов, какими бы высокими они ни были.

США следует создать единую систему содействия в погашении образовательных кредитов, в которую все заемщики попадали бы автоматически и которая бы обеспечивала прямое удержание ежемесячных выплат по кредитам из зарплаты заемщика, как это уже происходит в ряде других стран. Разумным представляется списание невыплаченных долгов по прошествии определенного срока, хотя нужно продумать такие условия, чтобы большинство заемщиков могли выплатить свои долги целиком. Общая сумма платежей должна соотноситься с размером взятого кредита, а объем непогашенного долга, который может быть списан, должен быть как-то ограничен.

Заключение

Долги по образовательным кредитам — это действительно серьезная проблема, от которой страдают очень многие бывшие студенты. Но федеральная система предоставления кредитов на обучение в бакалавриате дает многим людям — особенно малоимущим — возможность продолжить образование, поступить в подходящий колледж и получить диплом. Некоторые кажущиеся прогрессивными меры, которые нацелены на облегчение налогового бремени, на практике приводят к перекосам в системе субсидирования, от чего страдают в первую очередь именно те люди, которым эти субсидии больше всего нужны.

Больше всего проблем с выплатой испытывают заемщики, которые взяли в долг относительно немного, но которым не удалось получить востребованный на рынке труда диплом. Всеобщее списание задолженностей или даже снижение ставки по образовательным кредитам принесет наибольшую выгоду в первую очередь тем, кому помощь на самом деле не нужна. Никто не должен брать в долг на обучение в вузах с огромным уровнем отсева или низкими показателями трудоустраиваемости выпускников. Никому вообще не следует тратить время и усилия на учебу в таких вузах, даже если для этого не нужно брать кредит. Это вовсе не значит, что кредит на обучение — это всегда плохо. Просто нужно вести себя аккуратно и тщательно изучать доступную информацию.

Чтобы обеспечить возможности для получения высококачественного образования, нужно вложить много ресурсов. Кто-то должен за это заплатить. Часть этого финансового бремени лежит и должна лежать на студентах. Это реальность, которая требует признания на национальном уровне и требует разработки системы, которая бы одновременно помогала людям, желающим инвестировать в себя путем получения образования, и защищала бы их.

Образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, — не панацея

Ариана Де Гайардон

Ариана Де Гайардон — исследователь в Центре глобального высшего образования Института образования Университетского колледжа Лондона, Великобритания. E-mail: a.gayardon@ucl.ac.uk.

В условиях массовизации и повышения стоимости высшего образования правительства многих стран стремятся снизить долю бюджетных расходов за счет перекладывания части расходов на общество. С другой стороны, повышая плату за обучение, власти также вынуждены придумывать новые варианты финансирования, для того чтобы абитуриенты из всех групп населения имели возможность получить высшее образование. Так появились гарантированные государством образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода студента.

Люди могут взять в частных банках кредиты на оплату различных покупок, например недвижимости и машин, но высшее образование редко входит в этот ряд. Инвестиции в студентов несут для банков большие риски, потому что, во-первых, далеко не все студенты завершают обучение, а во-вторых, у банков нет возможности забрать оплаченный продукт, как это происходит, например, с недвижимостью, если заемщик больше не может платить по ипотеке. Из-за этого кредитование студентов находится в большой зависимости от государственного присутствия.

Образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода студента

Государственные кредиты на образование обычно бывают двух типов: по принципу ипотеки или с выплатой, зависящей от будущего дохода. В первом случае заемщик должен выплатить полную сумму займа плюс проценты в течение определенного периода и ежемесячные выплаты имеют фиксированный размер. Основной недостаток этой схемы в том, что наличие высшего образования не гарантирует, что у заемщика будут средства для выплаты долга; то есть заемщик может оказаться в трудной ситуации или вообще будет не в состоянии выплатить задолженность, а это, в свою очередь, испортит его кредитную историю.

Образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода, считаются более справедливыми.

Поскольку размер выплат по займу привязан к доходам, заемщик — обычно на протяжении какого-то фиксированного времени — отдает определенную долю своего дохода. Это помогает сделать погашение долга менее обременительным и избежать банкротств, потому что правительство автоматически прощает остаток по задолженности по истечении периода выплаты кредита, это еще называют скрытым грантом. Благодаря всему этому в мире много сторонников такой формы кредитования: считается, что на начальном этапе она позволяет всем получить бесплатное высшее образование и обеспечивает удобную и справедливую систему погашения.

Что происходит?

В 2017 году в трех странах, в которых наиболее распространены образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, — Австралии, Англии и Новой Зеландии — шли острые споры о финансировании высшего образования. В условиях роста объема задолженностей по кредитам на учебу и возрождения идеи бесплатного высшего образования важно изучить актуальные проблемы и извлечь из них соответствующие уроки.

Австралия находится в ситуации затянувшегося политического зстоя в вопросах финансирования высшего образования, который вызван текущей расстановкой сил в сенате, из-за чего с 2013 года не было принято ни одного закона по рассматриваемой тематике. Провалившиеся законопроекты последних лет предлагали снять ограничения на стоимость обучения в вузах; снизить порог дохода, после которого выпускник должен начать выплачивать кредит на образование; ввести комиссию за предоставление студентам кредитов. Все эти законопроекты были направлены на снижение расходов по Программе займов на высшее образование (HELP) с целью повысить ее финансовую устойчивость в долгосрочной перспективе. В декабре 2017 года правительство решило принять радикальные меры и заложило в бюджет 2018 года реформу системы финансирования высшего образования. В результате реформы порог годового дохода, после которого выпускник должен начать выплачивать кредит на образование, был снижен до 11 000 австралийских долларов (9000 долларов США), что отрицательно скажется на малообеспеченных людях. Кроме того, бюджеты университетов были заморожены на два года, что сократило их собственные возможности в сфере финансовой помощи студентам. Решение правительства Австралии внести данные бюджетные изменения прямо говорит о его неспособности дальше поддерживать текущую систему.

Англию, после того как лейбористская партия вернула себе популярность, предложив снова сделать высшее образование бесплатным, тоже охватили споры о финансировании высшего образования. Это признак того, что общество недовольно высокой стоимостью

обучения и постоянно повышающимися объемами долга по образовательным кредитам. В Англии обсуждаются разные проблемы. Например, финансовая защита, которую обеспечивает система образовательных займов с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, привела к росту максимально возможной стоимости обучения с 1000 фунтов стерлингов в год (1400 долларов США) в 1998 году, причем с учетом материального положения студента, до 9250 фунтов (13 000 долларов США) в 2017 году для всех. Высокая процентная ставка (до 3% плюс инфляция), которая действует на протяжении всего периода обучения заемщика, ведет к росту долгового бремени и недовольства. Более того, в 2016 году все гранты были заменены кредитами. Эта финансовая мера должна была помочь снизить дефицит государственного бюджета. В результате самая высокая долговая нагрузка после завершения обучения оказывается у студентов из малообеспеченных семей, то есть получилась регрессивная система. Еще одна проблема, которую стоит упомянуть, заключается в резком сокращении количества студентов-вечерников после повышения стоимости обучения в 2012 году. Это указывает на то, что для таких студентов нынешняя система финансовой помощи совершенно не подходит. Правительство внесло в нее ряд изменений, например повысило порог, после которого начинаются выплаты по кредиту, с целью облегчить долговое время, но крупномасштабные корректировки еще только намечаются. При этом большинство экспертов сходится во мнении, что английской финансовой системе нужны решительные перемены и что, скорее всего, стоимость обучения нужно понизить.

Опыт трех рассмотренных стран показывает, что даже там, где существуют образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, есть свои проблемы.

Наконец, Новая Зеландия тоже испытывает трудности с системой образовательных займов с выплатой, зависящей от будущего дохода, и объемом задолженностей по студенческим кредитам. Это отразилось в противоречивых правилах о процентной ставке, которые принимались в 2000-х годах, и в повышении

коэффициента погашения с 10% до 12%, что существенно выше, чем в Англии (9%) или Австралии (8%). Все дискуссии прекратились с приходом к власти нового правительства, которое сформировалось по результатам выборов 2017 года и которое обещало сделать высшее образование бесплатным. Это радикальный шаг в сторону от нынешней системы, основанной на образовательных займах с выплатой, зависящей от будущего дохода.

Какие уроки можно извлечь из опыта Австралии, Англии и Новой Зеландии

Опыт трех рассмотренных стран показывает, что даже там, где существуют образовательные займы с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, есть свои проблемы. Он также указывает на необходимость гибкого подхода к разработке и внедрению подобной системы кредитования, которая должна уметь подстраиваться под меняющийся социально-экономический контекст. К тому же подобная система кредитования не может существовать без государственных субсидий на погашение не до конца выплаченных займов. Эта возможность должна быть заложена с самого начала, правительство должно осознанно принять решение о том, что оно готово таким образом субсидировать студентов.

Рассматривая экономическую целесообразность системы займов с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, в условиях той или иной системы высшего образования, не следует забывать, что речь идет все-таки о кредитном продукте. Это означает, во-первых, что после выплаты по кредиту на руках у заемщика остается меньше денег, а во-вторых, что сама по себе идея долга влечет определенные психологические последствия. Многие представители малообеспеченных слоев населения, например, стараются избегать долгов. И если образовательный заем с выплатой, зависящей от будущего дохода студента, окажется единственным способом оплаты обучения, то количество студентов из малообеспеченных семей, скорее всего, снизится. К тому же вероятность того, что эти люди смогут выплатить долг за обучение целиком, низка, а значит, правительство в итоге будет их субсидировать. Это говорит о необходимости разработки справедливой системы материальной поддержки студентов и нахождения баланса между грантами, распределяемыми с учетом материального положения студентов, и образовательными займами, чтобы тем самым создать подходящие условия для всех типов студентов.

Частное высшее образование в Африке: прогрессивная политика и противоречивые мнения

Вондвосэн Тамрат, Дэмтью Теферра

Вондвосэн Тамрат — доцент и президент-учредитель Университета Св. Марии (Эфиопия). E-mail: preswond@smuc.edu.et, wondwosentamrat@gmail.com.

Дэмтью Теферра — руководитель образовательной программы в области высшего образования, директор-основатель Африканской международной сети высшего образования, профессор Университета Квазулу-Натал (Дурбан, ЮАР). E-mail: teferra@ukzn.ac.za, teferra@bc.edu.

Расширение частного высшего образования в Африке вызвано в первую очередь такими факторами, как неспособность государственных вузов справиться с растущим спросом, необходимость поиска альтернативных источников финансирования в условиях ослабления государственного бюджета и последовательная экономическая политика, направленная на реализацию структурных реформ. По мировым меркам сектор частного высшего образования в Африке по-прежнему невелик: в настоящее время на него приходится всего около 20% студентов. Но его роль уже хорошо чувствуется и проявляется в нивелировании проблем частного сектора, создании новых рабочих мест, повышении эффективности управления и распространении предпринимательского духа в традиционно консервативной сфере высшего образования. Решающую роль в укреплении доверия к частному сектору и тем самым в его расширении играют власти, так как они управляют соответствующими законодательными и политическими рычагами. Однако из-за множества скандалов вокруг использования средств налогоплательщиков на поддержание частных вузов хорошо слышны и аргументы противников частного высшего образования.

Мы полагаем, что, хотя прямая поддержка частных вузов может быть проблематичным и небесспорным делом, не прямые формы поддержки — даже в контексте бедных ресурсами африканских стран — могли бы способствовать процветанию частного сектора. Изучив описанный ниже региональный опыт, мы приходим к выводу, что такая поддержка, которую мы считаем прогрессивной, могла бы поступать в разных формах.

Кредиты и стипендии

Кредитование студентов и/или вузов является распространенным способом поддержки частного высшего образования, хотя наладить соответствующие эффективные механизмы в Африке оказалось далеко не просто. В Кении студенты лицензированных частных университетов могут получить кредит на обучение от Совета по выдаче кредитов на высшее образование. В Гане существует Целевой фонд по кредитованию студентов, куда могут обращаться студенты всех аккредитованных вузов, в том числе частных. В Лесото действует Кредитно-стипендиальный фонд, где любой зачисленный в вуз студент может взять беспроцентную ссуду. В Ботсване есть кредиты и стипендии для студентов частных вузов. В Нигерии студенты частных вузов не имеют доступа к бюджетным средствам, но могут обратиться за кредитом в Нигерийский образовательный банк. Банки Намибии предоставляют студентам образовательный кредит под залог по коммерческим ставкам. Провинциальный стипендиальный фонд Мозамбика оказывает целенаправленную финансовую поддержку студентам из бедных семей, которые учатся в государственных и частных вузах. А на Маврикии, в Зимбабве, Малави, Уганде и Эфиопии государство либо вообще не выдает кредиты на образование, либо выдает, но только студентам государственных вузов. Хотя эфиопское Министерство образования недавно начало поддерживать обучение сотрудников частных вузов в государственных учебных заведениях путем освобождения их от платы.

Кредитование вузов — по льготным процентным ставкам — крайне важно в силу ряда причин. Управление образования Танзании поощряет выдачу частным вузам кредитов и грантов на строительство и ремонт учебных помещений, закупку учебного оборудования и на развитие кадров. В Мозамбике частные вузы имеют право обратиться в Фонд по повышению качества и инновациям, который содействует укреплению институционального потенциала вузов. В Эфиопии, к сожалению, частным вузам пока недоступны специальные механизмы кредитования, которые распространены, например, в сфере промышленности и экспортной торговли.

Подсобные предприятия и налогообложение

Власти Кении и Танзании не субсидируют частные вузы напрямую, но поощряют частные инвестиции в сектор. В Кении для частных вузов создаются стимулы к организации подсобных предприятий: это может быть, например, сельскохозяйственное предприятие, или кафе, или книжный магазин, или клиника, или химчистка, или столярная мастерская, или организация по сдаче в аренду конференц-залов. Правительство Туниса выделяет частным вузам гранты

на покрытие максимум 25% учредительских расходов и 25% зарплатного фонда преподавателей в течение десяти лет. Эфиопия недавно объявила о начале конкурсного распределения научного финансирования для вузов, но пока не ясно, получают ли частные вузы право участвовать в конкурсе.

Распространенным способом содействия росту частного высшего образования являются налоговые льготы. Так, согласно инвестиционному законодательству Эфиопии строительные материалы, которые используются при постройке образовательных учреждений, освобождены от уплаты таможенной пошлины. Еще вузы освобождены от подоходного налога в течение первых трех лет работы. Но эффект от этих мер пока скромный, в силу того что введены они относительно недавно. А правительство Ганы недавно освободило частные университеты от уплаты 25-процентного налога на прибыль юридических лиц с целью укрепления их роли в развитии страны.

Обеспечение земель

Еще правительства помогают частным вузам, предоставляя им землю бесплатно, по сниженной цене или (в аренду) по сниженной процентной ставке. Это принципиально важно, особенно в городах с завышенными ценами на землю, где частным вузам приходится платить неоправданно много за аренду помещений. По непроверенной информации, правительство Уганды подарило Университету Мбале 300 акров (около 121 гектара) земли, благодаря чему этот вуз сможет извлечь дополнительный доход путем сдачи земли в аренду. В Тунисе распространена продажа земельных участков частным вузам за один динар — это символический жест в поддержку сектора частного высшего образования. Власти Эфиопии подарили землю многим частным вузам для стимулирования инвестиций.

Выверка нормативно-правовой базы

Прогрессивной стратегией является создание равных условий для частных и государственных вузов, чем уже занимаются правительства разных стран. В Египте существует Национальное агентство контроля качества и образовательной аккредитации — это независимый аккредитующий орган для образовательных учреждений всех типов и уровней. То же относится и к Национальному совету по аккредитации в Гане, Комиссии по высшему образованию в Кении и Совету по высшему образованию в Уганде — все они регулируют деятельность и частных, и государственных вузов. Совет по высшему образованию Лесото тоже регулирует деятельность частных и государственных вузов одновременно, несмотря на их организационные различия. В Эфиопии же по-прежнему только частные вузы должны проходить аккредитацию.

Мы полагаем, что, хотя прямая поддержка частных вузов может быть проблематичным и небесспорным делом, непрямые формы поддержки — даже в контексте бедных ресурсами африканских стран — могли бы способствовать процветанию частного сектора.

Заключение

В условиях роста спроса на высшее образование на глобальном и региональном уровне частные вузы Африки продолжают развиваться и, возможно, достигнут процветания. Соответственно, пришла пора изменить дискурс вокруг частных вузов с учетом меняющихся реалий и в полной мере использовать их потенциал путем реализации прогрессивной и благоприятной политики. Использование государством прогрессивных стратегий чрезвычайно важно для того, чтобы частные вузы смогли стать эффективными партнерами по содействию социально-экономическому развитию на национальном и региональном уровне.

И конечно, нужно уважительно относиться к политическому курсу правительства и реализовывать поставленные задачи на практике, а с этим у многих африканских стран проблемы. Как бы то ни было, африканским частным вузам будет трудно адекватно ответить на запросы общества, если они не будут получать никакой поддержки от властей, как на словах, так и на деле. Сходным образом прогрессивная политика по продвижению частных вузов должна неукоснительно выполняться на практике без ущерба для характерного для бизнес-среды духа соревнования.

Устойчивое развитие частного высшего образования в Мексике: какова роль правительства?

Хорхе Аренас, Дэниел К. Леви

Хорхе Гамалиэль Аренас-Басурто — профессор Университета Северной и Южной Америки в Пуэбле, Мексика. E-mail: jorge.arenas@udlap.mx.

Дэниел К. Леви — заслуженный профессор отделения изучения образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани, США. E-mail: dlevy@albany.edu.

За первые два десятилетия текущего века количество обучающихся в частных вузах мексиканских студентов практически удвоилось и сейчас приближается к миллиону. Это значительный подъем, даже несмотря на то, что в относительных показателях доля студентов частных вузов довольно скромна и едва ли превышает 30%. В силу ряда общественных, экономических и политических причин спрос на государственное высшее образование в стране не ослабевает, поэтому правительство щедро тратит на него деньги.

Но в чем состоит роль национального правительства в поразительном расширении частного высшего образования в последние годы? В то время как левые обвиняют правительство в расхлябанности, которая привела к непопозволительному росту частного сектора, правые (которые, впрочем, постоянно жалуются на чрезмерную строгость законодательства) в большинстве своем сбрасывают роль правительства со счетов, объясняя динамику в секторе частного высшего образования здоровыми рыночными механизмами спроса и предложения. На самом деле ошибочно и предположение, что у правительства есть конкретное видение относительно размера частного сектора, и игнорирование роли властей в этом вопросе, которая по факту состоит и в их действиях, и в их бездействии. Фактически же правительство способствовало расширению частного высшего образования.

Каким образом? Мы выделяем два основных механизма: 1) бездействие правительства, а именно отсутствие целенаправленной политики в отношении размеров сектора частного высшего образования; 2) действия (решения) правительства в сфере реформирования государственных вузов. В данном случае

ни то ни другое не было специально нацелено на развитие частных вузов, но по факту и то и другое выполнило именно эту задачу. Бездействие правительства обеспечило частным игрокам широчайшее поле для действий, и они решительно ухватились за все возможности. И одновременно действия правительства парадоксальным образом сделали сектор государственного высшего образования значительно менее привлекательным.

Как бездействие правительства создало условия для частных вузов

В бездействии со стороны властей нет ничего нового. В рассматриваемом случае важно стабильно благосклонное отношение властей к частному сектору в том формате, который критики называют вседозволенностью. Это позволило создавать частные вузы, получать лицензии и законно работать. Законодательных ограничений мало, поэтому открыть частный университет так же просто, как пиццерию. Внезапный вал новых законов в середине 1990-х годов породил некоторую озабоченность со стороны владельцев частных вузов, но переломного момента не случилось. Хорошим частным вузам нетрудно соблюсти все государственные требования, а плохие научились их легко обходить.

Частные вузы энергично расширяют свою деятельность, которая в последнее время стала принимать новые формы: частные консорциумы, коммерческие сети, онлайн-программы. Онлайн-образование стремительно набирает обороты, особенно на уровне магистратуры, причем 80% роста в этой сфере приходится именно на частные вузы, однако в этой статье мы ограничимся ассоциациями и сетями.

Формы частных мексиканских консорциумов различаются. Первый из них появился в 2002 году, когда знаменитый Монтеррейский технологический институт открыл Университет ТекМиленио, насчитывающий уже 29 филиалов в 18 штатах. Вскоре после этого началось формирование католических консорциумов на базе элитных католических университетов Мехико. А Иberoамериканский университет стал членом иезуитского консорциума из семи вузов. Схожим образом вели себя католические Университет ла Салля, Университет Легионеров Христа и Университет Опус Деи. В международной исследовательской литературе не писали об этом всплеске религиозных консорциумов, а между тем этот факт подрывает рассуждения о том, что религиозные вузы, по крайней мере в Мексике, представляют собой не что иное, как пережиток прошлого. В третью волну консорциумов попали обычные, не элитные вузы, в том числе Университет Инсурхентес — крупный вуз, ориентированный на удовлетворение повышенного спроса на высшее образование, а также вузы среднего звена, ориентированные на требования рынка труда, включая Технологический университет Мехико (UNITEC)

и располагающий обширной сетью филиалов Университет дель Валле. Живучесть всех этих частных консорциумов показывает, что, несмотря на отсутствие государственного планирования в сфере частного высшего образования, да и в высшем образовании в целом, частные вузы решили самоорганизоваться, и у них это получилось.

UNITEC и Университет дель Валле также можно использовать как пример расширения частного сектора в иных направлениях, а именно в сторону коммерциализации и интернационализации. В связи с размытостью мексиканского законодательства в отношении коммерческих вузов некоммерческие вузы давно перешли в собственность частных фирм, которые оплачивают аренду земли и зданий, «покупают» учебные планы и т.д. Новым явлением является также участие иностранного капитала — иностранных организаций, которые уже работают в сфере высшего образования. Крупнейшей такой организацией не только в Мексике, но и в Латинской Америке и даже в мире является корпорация Laureate Education, которой принадлежат в том числе холдинги UNITEC и Университета дель Валле.

Реформа государственного сектора

Все эти новые формы частного высшего образования родились в результате частной же инициативы. Для сравнения предлагаем поговорить о правительственной инициативе реформирования государственного сектора, выделив три важнейших ее аспекта: оценка работы, отраслевое распределение и диверсификация учебных заведений. Правительство хотело сделать государственное высшее образование более рентабельным. Однако все принятые меры непреднамеренным образом создали дополнительные препятствия к расширению государственного высшего образования, в частности реформы в последних двух областях из трех подтолкнули многих абитуриентов сделать выбор в пользу частных вузов.

Оценка результатов. В 1990-х годах и в начале текущего века правительство отказалось от давней традиции распределения средств в соответствии с количеством студентов или других факторов без учета результатов работы вузов. Это ударило по сложившейся системе автоматического, по сути, расширения государственного сектора, потому что теперь возможность расширения вузов зависит от их показателей работы.

Отраслевое распределение. Действуя в том же духе, правительство Мексики решило прекратить финансирование образования по традиционным популярным специальностям, по которым и так обучалось слишком много студентов, что противоречило интересам общества. В связи с этим правительство ввело квоты для поступающих на врачебное дело, гражданское строительство, юриспруденцию, предпринимательство и менеджмент. Однако это привело

к непредвиденным результатам, потому что абитуриенты продолжали, пользуясь финансовой поддержкой своих семей, поступать на эти специальности, не в последнюю очередь из-за их прибыльности. Многие абитуриенты, не поступившие в государственные вузы, идут в частные, чтобы там получить образование по выбранному направлению.

Бездействие правительства обеспечило частным игрокам широчайшее поле для действий, и они решительно ухватились за все возможности.

Диверсификация учебных заведений. Еще правительство решило, что оно не хочет автоматически платить за высшее образование для всех. Считается, что «чрезмерный спрос» на высшее образование обусловлен традицией и рынок труда перенасыщен людьми с дипломами. В престижные государственные вузы и раньше было сложно поступить, а в результате новой политики они стали отказывать 90% абитуриентов. К тому же власти заморозили создание новых государственных университетов. Вместо этого за период с 1990 по 2009 год было открыто 343 новых профессионально-технических учебных заведения, включая заведения двухгодичного образования. Но поскольку зарплаты у людей с высшим образованием по-прежнему были выше, чем с профессионально-техническим, многие абитуриенты, которым не удавалось поступить в государственные вузы, предпочитали частные. В 2017 году правительство смогло частично нивелировать этот отток в частный сектор, запустив программу «Для тебя есть место», которая дает второй шанс поступить в государственный или частный вуз тем, кого не взяли в элитные государственные вузы.

В общем, отсутствие у правительства Мексики проработанной стратегии развития высшего образования способствует расширению частного сектора. Это происходит благодаря в целом благосклонному отношению властей к частным вузам и проведению таких реформ в государственном образовательном секторе, которые иногда играют на руку частным вузам, а они, в свою очередь, используют все возможности.

Анализ конкуренции в секторе частного высшего образования в Египте

Рами М. Аюби, Мохамед Лутфи

Рами М. Аюби — консультант по проектам, Мохамед Лутфи — профессор и проректор по международной деятельности Кардиффского университета Метрополитен, Великобритания, UK. E-mails: rayoubi@cardiffmet.ac.uk; mloutfi@cardiffmet.ac.uk.

Конкуренция на рынке высшего образования все сильнее сказывается на положении университетов. В Египте спрос на высшее образование постоянно растет, поэтому сектор значительно изменяется и дополняется новыми, частными университетами. Заметные перемены в сфере высшего образования начались в Египте с принятием в 1992 году закона №101 о деятельности частных университетов и продолжились с принятием в 2009 году закона №12, который внес изменения в систему управления частными и государственными (некоммерческими) университетами. Оба закона способствовали укоренению такого нового для египетского высшего образования понятия, как «конкуренция за потребителя».

Создание и деятельность частных коммерческих вузов в Египте регулируется Верховным советом по частным университетам — контролирующим органом Министерства высшего образования, в который входят руководители всех частных университетов, а также некоторых государственных. В 2014–2015 учебном году в вузах страны числилось 2 624 705 студентов, в том числе 110 859 (или 4,2%) — в частных, что довольно мало. В 2016 году в Египте было 24 частных коммерческих вуза, основным источником финансирования которых является плата, взимаемая со студентов. Они не получают никаких бюджетных средств. Поскольку частные вузы обладают финансовой независимостью, они совершенно самостоятельны в определении своей финансовой политики. Стоимость обучения в частных вузах, как правило, гораздо выше, чем в государственных, и определяется советом вуза. Абитуриенты выбирают частные вузы по разным причинам, но в основе выбора, как правило, лежит низкая успеваемость в школе.

Четыре категории игроков

Мы проанализировали конкуренцию среди египетских частных коммерческих университетов и разделили их на четыре категории. Анализ проводился с учетом таких критериев, как стоимость обучения (за год бакалавриата) и качество (репутация профес-

сорско-преподавательского состава, оцениваемая через качество международных научных публикаций в базе Scopus), а также путем сбора информации об этих вузах в открытых интернет-источниках по следующим показателям: 1) преподавание полностью/частично на английском языке; 2) полная/частичная аккредитация программ иностранными университетами; 3) публикация результатов научных исследований в международных англоязычных изданиях.

- Категория 1: «высокое качество — высокая стоимость». Это университеты с высоким уровнем преподавательского состава и научной работы и хорошей инфраструктурой. Ежегодная стоимость обучения в таких университетах превышает 7000 долларов США. Мы отнесли к этой категории три вуза: Американский университет в Каире, Арабскую академию науки, технологий и морского транспорта и Немецкий университет в Каире.
- Категория 2: «высокое качество — низкая стоимость». Это университеты с высоким уровнем преподавательского состава и научной работы и хорошей инфраструктурой, но стоимость обучения в них ниже, чем в вузах категории 1. Хороший пример — это Британский университет Египта или Нильский университет.
- Категория 3: «низкое качество — низкая стоимость». Это университеты, в которых не только качество преподавания, науки и инфраструктуры, но и стоимость обучения ниже, чем в вузах категории 1 и 2. Учеба в них стоит в среднем менее 4000 долларов США в год. Мы также обнаружили, что учиться туда идет иная категория абитуриентов, нежели в вузы первой и второй группы, — выходцы из малообеспеченных слоев населения, которые не добились больших успехов в школе. К третьей группе мы отнесли 19 университетов, включая Египетский научно-технологический университет, Египетский международный университет, Университет будущего, Университет 6 октября, Синайский университет, Академию Эль-Шорука, Фаросский университет в Александрии, Французский университет Египта, Современную академию Маади, Французский институт восточной археологии, Канадский международный колледж и Канадский университет Аль-Ахрам.
- Категория 4: «низкое качество — высокая стоимость». Это вузы, сравнимые по стоимости обучения с первой категорией, но качество преподавания, науки и инфраструктуры в них заметно ниже. Наш анализ показал, что в Египте нет частных университетов, которые можно отнести к этой категории. Но теоретически они могут появиться, когда сектор частного высшего образования созреет и если Национальное агентство по контролю качества и аккредитации образования (NAQAAE) запустит национальный университетский рейтинг.

Выводы и перспективы

Египетские власти признают, что высшее образование должно играть ключевую роль в развитии страны. Для этого необходимо повысить количество ежегодно выпускаемых специалистов до нужного уровня (в условиях роста спроса на образование, что, в свою очередь, ведет к повышению его стоимости) и повысить качество научно-технических разработок, которыми занимаются частные университеты (что способствует повышению качества в целом). Эти цели заявлены в десятилетнем плане правительства по реформированию египетских университетов, согласно которому они должны стать более современными, автономными и ориентированными на рынок, уделять больше внимания студентам и активнее заниматься наукой.

Поскольку частные вузы обладают финансовой независимостью, они совершенно самостоятельны в определении своей финансовой политики.

Судя по всему, правительство Египта заинтересовано в том, чтобы в стране появилось больше частных университетов первой и второй категории, в создании которых участвовали бы международные образовательные организации, в первую очередь британские университеты. Возможно, в будущем сектор высшего образования претерпит значительные изменения. Некоторые из действующих ныне вузов (в частности, те, которые мы отнесли к третьей категории) могут закрыться. А предполагаемое расширение первой и второй категорий в условиях поддержки со стороны египетских властей может привести к маргинализации третьей категории (к которой относится большинство частных университетов страны). Мы не видим у вузов этой группы потенциала к тому, чтобы перейти в первую или вторую категорию, поскольку у них другая «клиентура». Впрочем, нельзя исключать того, что в ближайшие 10 лет университеты из верхних двух категорий начнут поглощать вузы из третьей. Такой сценарий потребует от правительства поиска альтернативных способов удовлетворения нереализованных потребностей клиентов третьей категории вузов.

.....

Заккрытие Китая? Возможные последствия для университетов мира

Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор, а Ханс де Вит — профессор и директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mails: altbach@bc.edu; dewitj@bc.edu.

Новость о внесении в китайскую конституцию поправок, позволяющих председателю КНР Си Цзиньпину переизбираться на этот пост после окончания нынешнего, второго срока, — это лишь еще один признак происходящих в стране коренных политических изменений. Эксперты отмечают, что Си Цзиньпин накопил самый широкий со времен Мао Цзедунa спектр властных полномочий и хочет находиться у власти как можно дольше, чтобы реализовать свои идеи. Высшее образование, наука и интернационализация не являются центральными темами текущего политического процесса, они находятся под его влиянием.

В последние десятилетия в Китае наблюдался колоссальный рост интернационализации высшего образования, наращивание входящих и исходящих потоков студенческой мобильности, развитие трансграничного образования в форме открытия филиалов иностранных вузов. Все это способствовало созданию в стране университетов мирового класса и улучшению позиций китайских вузов в международных рейтингах. Последствия происходящих в политической верхушке страны изменений для китайского высшего образования и для академических отношений между Китаем и другими странами будут ощущаться на протяжении длительного времени. Эти изменения могут серьезно отразиться на том, чего уже удалось достичь. Китайское и международное академическое сообщество непременно должно принимать в расчет вероятность этих последствий.

Что происходит в стране

Комплексный анализ недавних событий показывает, что положение дел в китайском академическом сообществе, которое оставалось относительно стабильным на протяжении полувека, претерпело в последнее время существенные изменения. Были введены ограничения на доступ к интернету, стало сложнее свободно собирать информацию. Раньше китайские пользователи могли относительно спокойно подключаться к мировому интернету благодаря использованию VPN (виртуальных частных сетей), но теперь это

невозможно. К тому же, как многие отмечают, увеличился спектр информационных материалов, которые считаются в Китае «небезопасными» и, соответственно, удаляются из китайского сегмента интернета. Наиболее остро эта проблема стоит для представителей социальных наук, но на самом деле она затрагивает все академическое сообщество и влияет и на представления о доступности знания и информации во всем мире.

Хотя роль Коммунистической партии Китая в управлении университетами всегда была ключевой, в последнее время она еще больше укрепилась. С удвоенной силой подчеркивается значение идеологических элементов образовательной программы, которая теперь включает и такой предмет, как «Мысли Си Цзиньпина». Появившиеся недавно в ряде элитных китайских вузов гуманитарные программы широкого профиля, созданные по американской модели, подвергаются резкой критике, в результате чего руководители таких программ пытаются подобрать для них менее «провокационные» названия и при необходимости внести изменения в учебный план.

**Хотя роль
Коммунистической
партии Китая в управлении
университетами всегда
была ключевой,
в последнее время она
еще больше укрепилась.**

Внешняя реакция

Наблюдается и внешняя реакция на некоторые аспекты новых международных инициатив Китая в сфере высшего образования. Набирает обороты критика в адрес Институтов Конфуция (их уже более 480), созданных правительством Китая в разных странах и размещающихся преимущественно в университетах, часть которых уже была закрыта принимающими странами. Также критике подвергается в определенном смысле довольно грубое вмешательство Китая в жизнь африканских стран, в том числе в области высшего образования. Конфликтная ситуация сложилась в Австралии: звучат обвинения в адрес китайских организаций, которые, судя по всему, пытаются воздействовать на австралийских исследователей, занимающихся Китаем, и всячески вмешиваются в их жизнь, а также оказывают давление на китайских студентов, обучающихся в Австралии и других странах, и заставляют их шпионить за сокурсниками и преподавате-

лями. Один голландский университет свернул планы по открытию филиала в Китае из-за разразившейся в Нидерландах дискуссии об ограничениях академической свободы в этой стране. После того как крупное британское издательство изъяло из своих журналов спорные, с точки зрения китайских властей, материалы, в Великобритании прокатилась волна протестов. После жалоб со стороны западных ученых материалы были восстановлены. Знаменательно то, что все более интенсивные попытки властей Китая вторгаться в жизнь других стран сопровождаются растущим сопротивлением западных ученых и вузов.

Последствия

Понятно, что последствия от «закрытия» китайского высшего образования больше всего отразятся на университетах. Лидирующим вузам страны будет труднее заслужить звание университетов мирового класса, если их академическая культура будет пропитана ограничениями, доступ к информации будет затруднен, а формирование инновационной и по-настоящему свободной академической культуры будет стеснено. Запретительная академическая среда затруднит привлечение иностранных ученых для работы в Китае, а студенты, особенно магистранты и аспиранты, будут с неохотой приезжать на учебу.

Тем временем, по словам председателя Китайского национального естественнонаучного фонда, процент «возвращенцев» среди китайских студентов и ученых, которые учились за границей, начал расти. «Еще десять лет назад из семи китайских студентов, уезжавших учиться за рубеж, на родину возвращался лишь один. А теперь возвращается шесть из семи», — сказал он и добавил, что «утечка мозгов практически остановилась» (Times Higher Education, 1 марта 2018 года). Вряд ли эта тенденция сохранится на фоне меняющихся обстоятельств. К тому же данное наблюдение верно лишь для представителей естественных, инженерно-технических и математических наук, да и то преимущественно для бакалавров. Согласно большинству статистических оценок, 70–80% китайцев, получивших степень PhD за рубежом, не возвращаются на родину, и этот показатель довольно стабилен.

Заключение

На протяжении нескольких десятилетий Китай пытался создать у себя более открытую академическую среду, но сейчас, очевидно, курс резко изменился. Подобная смена курса неизбежна в свете последних политических перемен. Многомиллиардные инвестиции последнего времени, направленные на превращение лучших университетов страны в вузы мирового класса, поставлены под угрозу, по крайней мере частично. Новый курс также серьезно подрывает предпринятые Китаем в последние годы усилия по интернационализации. Под угрозой могут оказаться и инвестиции западных вузов, открывших свои филиалы в стране или иным способом наладивших академические

связи с Китаем, а будущие инвестиции наверняка замедлятся. Снизится результативность принимаемых властями мер по возвращению обучившихся за рубежом китайцев домой, особенно это касается магистров и обладателей степени PhD, потому что многие из них будут недовольны тем, что происходит в академической жизни Китая.

Вследствие брекзита, победы Дональда Трампа в США и мирового роста национализма и популизма академическое сообщество вступает на неизведанную территорию. Впрочем, в Китае все по-другому. Инакомыслящих практически нет, и никто не оспаривает решения центральных властей. Китайские университеты столкнутся с серьезными препятствиями на пути к соблюдению мировых стандартов, до подлинной академической свободы будет очень далеко, а сотрудничество с западными университетами станет еще более проблематичным. Но китайские власти все это, похоже, не заботит. Они проявляют все больший интерес к вузам развивающихся стран и стран с переходной экономикой, которые, вероятно, в значительной степени полагаются на сотрудничество с Китаем. В конечном счете Китай рискует оказаться на периферии академического мира.

Снижение скорости роста китайских университетов

Алекс Ашер

Алекс Ашер — президент Сообщества стратегического планирования в сфере высшего образования, Торонто, Канада. E-mail: ausher@higheredstrategy.com.

Как всем хорошо известно, Китайская Народная Республика очень много инвестировала в высшее образование. С приходом к власти Дэн Сяопина в 1978 году Китай стал уделять огромное внимание наращиванию научно-технического потенциала, и ключевая роль в этом процессе отводилась университетам. В течение почти 20 лет в рамках проекта «985» были потрачены миллиарды юаней на то, чтобы превратить ведущие вузы страны в «университеты мирового класса». Только на первых двух этапах проекта в 1998–2007 годах затраты на поддержку 39 университетов проекта составили примерно 33 млрд юаней, или около 13 млрд современных долларов США по паритету покупательной способности. Тем не менее оценить общий объем этих инвестиций сложно, потому что Китай не предоставляет таких сведений ЮНЕСКО, а сами университеты обычно непрозрачны в том, что касается финансовой отчетности.

В связи с этим довольно любопытно, что в 2012 году правительство Китая выпустило директиву о прозрачности сектора высшего образования, которая, помимо прочего, обязывает вузы публиковать своего рода ежегодные финансовые отчеты. Не все вузы соблюдают это требование, а доступную отчетность нельзя назвать очень подробной, но тем не менее по большинству крупных вузов удалось собрать данные за пять полных лет (2012–2016 годы), и эти данные позволяют сделать три интересных вывода.

Лучшие китайские университеты богаты

Первый вывод заключается в том, что ведущие китайские университеты — то есть крупнейшие вузы группы С9, которые еще иногда называют «китайской Лигой плюща», — действительно очень богаты и по финансовой обеспеченности сопоставимы с передовыми американскими вузами. Расходы самого крупного вуза страны — Университета Цинхуа — составили в 2016 году 13,7 млрд юаней, или около 3,57 млрд долларов США по паритету покупательной способности, что в абсолютных цифрах превышает показатели Массачусетского технологического института (3,34 млрд долларов США) и Йельского университета (3,36 млрд долларов США) за 2014 год. Второй по размеру вуз страны — Пекинский университет — потратил в 2016 году примерно 2,45 млрд долларов США, практически поравнявшись тем самым с Калифорнийским технологическим институтом и Университетом Вашингтона в Сент-Луисе. Следующие по размеру места занимают Чжэцзянский университет и Шанхайский университет Цзяотун, чьи расходы достигли 2,3 млрд и 2,1 млрд долларов США соответственно. На пятом месте Фуданьский университет с 1,5 млрд долларов США, что примерно равно расходам Принстона.

Предоставленные китайскими университетами данные об источниках их доходов позволяют сделать вывод, что они скорее похожи на североамериканские вузы, нежели на европейские.

Если оценить расходы в расчете на одного студента, то показатели перечисленных вузов окажутся не такими впечатляющими, но все равно высокими для Китая: они колеблются от 78 000 долларов США на студента в год (в Университете Цинхуа) до 49 000 (в Чжэцзянском университете). В этом китайские вузы по-прежнему значительно отстают от крупнейших государственных вузов США, например Университета Северной Каролины (161 000 долларов США) или Университета Вирджинии (131 000 долларов США), а также от крупных национальных вузов Японии, включая Токийский и Киотский университеты (более 100 000 долларов США в обоих случаях). Впрочем, по расходам в расчете на одного студента китайские университеты-лидеры вполне сопоставимы с Калифорнийским университетом в Беркли (73 000 долларов США), Каролинским институтом в Швеции (75 000 долларов США) или Швейцарской высшей технической школой Цюриха (63 000 долларов США) и даже опережают богатейшие вузы таких стран, как Канада (Университет Британской Колумбии с его 53 000 долларов США), Германия (Боннский университет, 43 000 долларов США) и Австралия (Национальный университет Австралии, 39 000 долларов США).

Источники доходов ведущих китайских университетов

Во-вторых, предоставленные китайскими университетами данные об источниках их доходов позволяют сделать вывод, что они скорее похожи на североамериканские вузы, нежели на европейские. В четырех вузах (Шанхайском университете Цзяотун, Сианьском университете Цзяотун, Университете Цинхуа и Чжэцзянском университете) менее 40% средств поступает из государственных источников. Незначительную часть доходов составляют деньги, которые студенты платят за обучение. А основным источником средств являются доходы от бизнес-структур вроде крупной корпорации University Enterprise Group при Университете Цинхуа. В этом китайские вузы сравнимы с американскими, поскольку последние тоже получают значительную долю доходов благодаря таким источникам, как университетские больницы, недвижимость и проч. Остальные китайские вузы в большей степени зависят от госбюджета, но ни у одного из вузов группы С9 бюджетные поступления не превышают 60% доходов в целом.

Ведущие университеты сбавляют темп

Третий вывод заключается в том, что после 2012 года финансовое положение китайских университетов практически никак не улучшалось. В Университете Цинхуа, к примеру, расходы в расчете на одного студента снизились с 2012 по 2016 год на 3%, а в Чжэцзянском университете — на 5%. В Шанхайском университете Цзяотун они, наоборот, возросли на 7%. В абсолютных цифрах расходы не сокращаются — просто инфляция и количество студентов растут быстрее.

Дело в том, что лучшие вузы Китая достигли уже таких крупных размеров, что даже относительно большие дополнительные вложения со стороны государства вряд ли сыграли бы существенную роль. К примеру, недавно на сайте Caixin Global (англоязычный сайт, который принадлежит крупной пекинской медиагруппе «Цайсинь») появилась новость о том, что Университет Сунь Ятсена получит дополнительные 480 млн юаней (около 140 млн долларов США по паритету покупательной способности) в рамках новой китайской инициативы Double World-Class. Но в относительных цифрах прибавка составит всего 8%, поскольку текущий бюджет этого вуза достигает около 6 млрд юаней (1,76 млрд долларов США). С учетом инфляции и постоянного увеличения числа студентов дополнительных средств хватит всего лишь на год-два.

Соотношение цены и качества

Наконец, необходимо задать вопрос: а оправдали ли себя все эти вложения? Если говорить о научной продуктивности, то ответ будет положительным. За время между двумя четырехлетними периодами — с 2006–2009 годов до 2012–2015 годов — доля публикаций в журналах, индексируемых в Clarivate, во всех передовых китайских университетах удвоилась. А Университет Цинхуа и Шанхайский университет Цзяотун уже даже опережают Оксфордский и Кембриджский университеты в абсолютных показателях. Правда, импакт-фактор статей, публикуемых учеными из китайских вузов, пока в среднем ниже, чем в большинстве европейских и североамериканских университетов. С другой стороны, уровень цитируемости ведущих китайских университетов за последние десять лет существенно возрос, так что они уже опережают знаменитые японские вузы и практически достигли уровня лучшего азиатского вуза — Национального университета Сингапура.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что, хотя за последние два десятилетия ведущие китайские университеты достигли такого уровня финансирования, который делает их конкурентоспособными на международном рынке, всегда было понятно, что они вряд ли смогут сохранить такой темп развития. Данные позволяют предположить, что темпы роста китайских вузов превышают средние показатели для Австралии, Канады и Европы, но отстают от крупнейших государственных — и уж тем более частных — вузов США. К тому же, несмотря на высокий уровень научной продуктивности китайских ученых, им еще есть куда двигаться в плане повышения качества и импакт-фактора своих статей.

Шанс для Китая: рекомендации по реформе гуманитарного образования

Кара А. Годвин, Ноа Пикус

Кара А. Годвин — исследователь Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, консультант по вопросам высшего образования и директор-основатель образовательной ассоциации Global Liberal Education Collaboratory. E-mail: kara.godwin@gmail.com.

Ноа Пикус — заместитель и старший советник проректора по академическим вопросам в Университете Дюка (Дарем, Северная Каролина, США), а также декан по методическим вопросам и развитию преподавателей Куньшаньского филиала Университета Дюка (провинция Цзянсу, Китай). E-mail: pickus@duke.edu.

Эта статья написана по материалам 8-го доклада серии CINE Perspectives, вышедшего под заголовком Liberal Arts & Sciences Innovation in China: Six Recommendations to Shape the Future и доступного на английском и китайском языках.

Развитие образования в сфере гуманитарных и естественных наук достигло в Китае поворотного момента. За последнее десятилетие на территории материкового Китая и Гонконга значительно увеличилось количество университетских программ, делающих акцент на гуманитарных предметах и реализующих комплексный подход к образованию, направленный на то, чтобы дать студентам всех возрастов обширные, всеобъемлющие знания и развить в них чувство социальной ответственности. Такие изменения происходили и непосредственно в китайских вузах, и в новых международных учебных заведениях, созданных совместно с западными университетами. Новый подход кардинально отличается от традиционного для Китая прагматизма в разработке учебных планов, заточенных на подготовку студентов к какой-то конкретной профессии.

Китай и Гонконг не одиноки в стремлении поддержать гуманитарное образование для подготовки трудовых ресурсов для экономики двадцать первого века. Сейчас в мире — за пределами США — существует уже более 200 программ гуманитарного образования, или

образования широкого профиля, причем большинство из них открылось в последние двадцать лет. Тем не менее, несмотря на то что гуманитарные колледжи и университеты имеют в США долгую историю, гуманитарное образование подвергается критике со стороны тех, кто сомневается в его ценности и кто отстаивает более практичный, ориентированный на построение карьеры подход к образованию.

Ирония в том, что именно сейчас перед реформаторами гуманитарного образования Китая встают новые проблемы — впрочем, и новые возможности тоже. В июне 2017 года в Университет Дюка в Куньшане приезжало 25 ученых и руководителей вузов из Канады, Гонконга, материкового Китая, Сингапура и США, чтобы обсудить новые трудности и возможности в сфере развития гуманитарного образования. Эксперты предложили ряд рекомендаций, перечисленных ниже. Помимо этого, они пришли к выводу, что если Китай продолжит развивать гуманитарное образование более изобретательно и с учетом культурной специфики, то ему также удастся повлиять на ситуацию с гуманитарным образованием в других странах.

Цели и препятствия

В основе стремления Китая развивать гуманитарное образование лежат культурные традиции, и это играет ключевую роль в стимулировании инновационной экономики в стране и подготовке специалистов, преданных своей профессии и своему сообществу. Многие идеи, лежащие в основе гуманитарного образования, на самом деле вовсе не новы для Китая. Будучи старейшей в мире непрерывно развивавшейся цивилизацией, Китай обладает глубокими философскими традициями, в центре которых — воспитание моральных качеств и освоение знаний, что тесно пересекается с холистическими целями гуманитарного образования.

Впрочем, процесс реформ в Китае существенно затруднен из-за разногласий о сути гуманитарного образования, из-за сомнений в его ценности и актуальности, из-за низкого качества и малодоступности существующих программ, из-за нехватки квалифицированных преподавателей, из-за использования формальных контрольных показателей и стимулов, которые препятствуют образовательным инновациям, из-за необходимости обучать студентов не только китайской идеологии, но и другим традициям и, наконец, из-за того, что вузы материкового Китая подчиняются определенным политическим силам, которые, в свою очередь, сомневаются в достоинствах гуманитарного образования. Самой неотложной проблемой последнего года стали новые правительственные ограничения на свободу выражения и на содержание учебных курсов, и на фоне усиления контроля и цензуры в вузах это может существенно затруднить развитие гуманитарного образования.

В основе стремления Китая развивать гуманитарное образование лежат культурные традиции, и это играет ключевую роль в стимулировании инновационной экономики в стране и подготовке специалистов, преданных своей профессии и своему сообществу.

Возможности и рекомендации

Хотя мы не в том положении, чтобы указывать на необходимость политических и идеологических перемен в структурах, контролирующих китайские университеты, нам удалось сформулировать шесть рекомендаций, касающихся того, как преодолеть существующие препятствия и реализовать потенциал гуманитарного образования в Китае.

- Общеобразовательные предметы не должны недооцениваться. В последние годы китайские университеты реформировали и расширили выбор предлагаемых студентам общеобразовательных курсов, чтобы они могли изучать что-то дополнительное, а не только курсы по специальности. Это, безусловно, важный шаг вперед, но качество многих общеобразовательных курсов по-прежнему страдает. Студенты считают их ненужными, преподаватели — лишней, малоквалифицированной работой. Необходимо упорно работать над повышением качества таких курсов, чтобы подготовить эрудированных и творчески мыслящих людей, которые смогут работать в условиях инновационной экономики.
- Необходимо больше инвестировать в междисциплинарную интеграцию. Для решения проблем будущего нужно будет не только иметь за плечами широкое образование, но и уметь находить комплексный, междисциплинарный подход. Гуманитарное образование обычно мультидисциплинарно, но ему не хватает подлинной междисциплинарности. Новый перспективный подход применяется в ряде экспериментальных программ, например в «Плане по улучшению бакалаврского образования к 2020 году» Фуданьского университета, в таких вузах, как Юаньпэйский колледж Пекинского университета, Колледж

Синья при Университете Цинхуа или Университет Линнань в Гонконге, а также в новых образовательных заведениях вроде филиала Университета Дюка в Куньшане. Но эти программы доступны лишь небольшому кругу студентов элитных вузов. Чтобы стать мировым лидером в сфере гуманитарного образования, Китай должен содействовать развитию уже существующих программ и инвестировать в создание новых, поощряя тем самым экспериментальную работу и делая образование широкого профиля более доступным.

- Нужно поощрять преподавателей и помогать их профессиональному росту. Чтобы преподавание общеобразовательных дисциплин было эффективным, нужны новые педагогические подходы. Эмпирические исследования показывают, что через пассивное прослушивание лекций и механическое заучивание материала — по-прежнему распространенный в Китае способ обучения — невозможно подготовить творческих, критически мыслящих людей. Впрочем, одних призывов к использованию новых педагогических методов недостаточно. Чтобы преподаватели действительно начали работать по-другому, нужно поощрять их профессиональное развитие и сделать повышение квалификации профессорско-преподавательского состава одним из приоритетных направлений работы наряду с наукой и публикациями.
- Освоение инновационных педагогических методов. Освоение новых педагогических методов предполагает уделение дополнительного внимания тому, как именно студенты учатся. Для этого нужно мобилизовать преподавателей, чтобы они вместе решили, что их выпускники должны уметь, и вместе приняли на себя общее обязательство стремиться к достижению поставленных задач. Еще для этого требуется наличие открытой педагогикоцентричной институциональной культуры, которая бы позволяла экспериментировать с новыми стратегиями и интегрировать обязательные и факультативные занятия с целью повышения адаптивности студентов и развития у них навыков решения задач и командной работы.
- Нужно расширять качественные программы. Реформой гуманитарного образования стоит заниматься только в том случае, если одним из ее центральных элементов является постоянная и продуманная работа по улучшению качества. При этом Китай обладает редкой возможностью масштабировать основные инновации в сфере гуманитарного образования по мере их введения. В США, например, такой возможности нет. Ключевые факторы масштабирования — эффективное использование новых технологий и развитие новых парадигм для качественного преподавания, однако и то и другое требует серьезных вложений, крупных экспериментов и тщательного анализа.

Если Китай хочет построить инновационную экономику и повысить социальную активность населения, он должен уделить особое внимание повышению доступности общеобразовательных предметов для студентов.

- Нужно изучать разные традиции. Успешность реформы гуманитарного образования в любой стране зависит от того, удастся ли сделать его актуальным одновременно на локальном и на глобальном уровне. Благодаря этому появляются новые возможности для диалога между представителями китайской, западной и других культур, для изучения их научных достижений и для их анализа в контексте мировых дебатов и дилемм. В основе гуманитарного образования в Китае лежат национальные традиции, но одновременно нужно изучать китайскую точку зрения в диалоге с индийской, исламской, западной и другими культурами. Это имеет решающее значение для личностного и интеллектуального развития студентов, а также для формирования умения успешно функционировать в глобализованном обществе.

Эти рекомендации предназначены для обсуждения в Китае на коллективном и институциональном уровне. Их нужно рассматривать вкуче, не по отдельности, в качестве неотъемлемой части холистического подхода к образованию. С глобальной точки зрения Китай находится в особенно выгодном положении для того, чтобы научить другие страны примирению гуманитарного и профессионального образования; показать им методы разработки по-настоящему междисциплинарных, интегрированных образовательных программ (путем слияния различных дисциплин и размывания границ между обязательным и факультативным); научить их разработке инновационных педагогических методов для повышения качества и доступности образования. Впрочем, ни одна из перечисленных стратегий не может быть реализована в условиях отсутствия открытого академического диалога, который бы позволял совместить различные исторические и культурные взгляды. Хотя, по последним данным, преподаватели обязательных идеологических предметов стали больше экспериментировать, одновременно с этим центральное правительство усилило контроль за содержанием образования. Если Китай начнет преподавать различные взгляды на свою собственную непростую историю, а также начнет обучать студентов многообразию зарубежных традиций, это станет ключевым шагом на пути к тому, чтобы стать лидером среди стран, экспериментирующих с гуманитарным образованием и при этом жестко контролирующими академическую среду.

Новые национальные рейтинги в Индии

Н. В. Варгхесе

Н. В. Варгхесе — проректор и директор Центра исследований политики высшего образования Национального университета планирования и управления образованием в Нью-Дели, Индия. E-mail: nv.varghese@nuepa.org

Ссылка на индийские национальные рейтинги: <https://www.nirfindia.org/ranking2017.html>.

Мировые университетские рейтинги привлекают массу внимания, хотя в них входит лишь небольшая доля мировых вузов. Зачастую оказывается, что лучшие в своих странах вузы не смогли занять достойное место в международных рейтингах.

Без сомнения, международные рейтинги способствуют конкуренции между странами, которые стараются улучшить свои позиции. Еще рейтинги подталкивают страны к принятию целенаправленных мер по поддержке лучших вузов с целью сделать их университетами мирового класса. Те же страны, для которых такой путь представляется слишком долгим и трудным, делают выбор в пользу национальных рейтингов — в дополнение к международным или же вместо них.

Индийские университеты не входят в списки лучших мировых вузов, и это воспринимается в Индии как серьезная проблема. Для ее решения правительство выбрало двойственный подход: оно решило развивать в Индии первоклассные вузы / университеты мирового класса и одновременно создать свои собственные рейтинги. Первый индийский рейтинг был запущен в 2015 году при поддержке Национальной программы по рейтингованию вузов (NIRF).

Принципы и методология составления рейтингов

В августе 2014 года Министерство развития кадрового потенциала провело консультации и сформировало рабочую группу по разработке принципов и методологии составления рейтингов. Рабочая группа выделила аспекты деятельности вузов, которые должны учитываться в рейтингах: исследования и профессиональные услуги; преподавание, обучение и ресурсы; перспективы выпускников; информационно-просветительская работа и инклюзивность; репутация. При этом члены рабочей группы решили, что в Индии с ее многообразием вузов нельзя применять одни и те же индикаторы и веса для всех учебных заведений, поэтому было предложено рейтинговать различные категории вузов раздельно.

Рабочая группа поделила вузы на две категории. К категории А относятся все вузы, подчиняющиеся центральному правительству и правительствам штатов, «условно университеты» (высококачественные заведения высшего образования, специализирующиеся в одной предметной области), частные университеты и другие автономные вузы. А к категории В относятся аффилированные с университетами институты и колледжи, которые не имеют права самостоятельно утверждать учебную программу или выдавать собственные дипломы.

Схожие, но отдельные принципы и параметры рейтингования были разработаны для инженерных, управленческих и фармацевтических институтов, а также университетов и колледжей. Оценивались одни и те же параметры, но с разными весами для субпараметров в зависимости от специализации вуза. К примеру, для университетов категории А большой вес имеют исследования, а для вузов категории В — преподавание.

Источники данных и охват вузов

Участие в рейтингах для вузов Индии не является обязательным. Участвовать могут все вузы, где учится более 1000 студентов, за исключением узкоспециализированных, монодисциплинарных институтов. Всего в рейтингах 2017 года участвовало 3313 вузов. Для оценки научной деятельности использовались индексы цитирования SCI, SSCI и A&HCI базы Web of Knowledge. Остальные данные были получены непосредственно у вузов.

Меры, принятые в Индии для того, чтобы собрать у вузов надежные данные, можно считать эффективными.

Результаты

Результаты обычно публикуются в апреле, так что уже доступны рейтинги за 2016 и 2017 годы. Пристальный анализ позволяет выявить интересные тенденции. В десятку лучших вузов в каждой категории входят почти исключительно государственные вузы. Исключение составляет фармацевтика: более 90% всех студентов фармацевтических специальностей учатся в частных институтах. Если говорить о узкоспециализированном высшем образовании, то 9 из 10 лучших вузов — государственные. Многие из них, в осо-

бенности вузы центрального подчинения, получают довольно существенное финансирование; они обладают относительно высокой степенью автономии, а абитуриентов отбирают по результатам вступительных экзаменов. Иными словами, лучшие вузы Индии, по оценке NIRF, обладают рядом важных характеристик, присущих университетам мирового класса, как их определил Джамил Салми в 2009 году.

Если взглянуть на список ста лучших вузов 2017 года, можно заметить, что среди них всего три частных университета. Почти 60% вузов, вошедших в первую сотню, — это специализированные вузы, а оставшаяся часть составляют государственные колледжи (их всего три) и университеты. Интересен разброс баллов, полученных ста лучшими вузами. Если в первой десятке максимальный итоговый средний балл равен 83,28, то для второй десятки он составляет уже 58,25, а для последней десятки — всего 38,68. Максимальный итоговый средний бал вузов второй десятки ниже минимального итогового среднего балла вузов из первой десятки. Наибольший разброс баллов наблюдается в оценке научной деятельности и репутации, а минимальный — в оценке преподавания, информационно-просветительской работы и инклюзивности.

Результаты рейтинга были встречены не так негативно, как можно было ожидать, что отчасти связано с тем, что полученные результаты нельзя было назвать неожиданными. Одно из основных замечаний в адрес индийского рейтинга звучит и в отношении других рейтингов: попытка вместить всю информацию об университете в одну цифру представляется не очень эффективной. Еще серьезной критике подвергается тот факт, что относительное положение вузов в рейтинге существенно изменилось с 2016 по 2017 год. Так, 47 вузов, вошедших в первую сотню 2017 года, отсутствовали в рейтинге 2016 года. А 35 вузов из нижней половины первой сотни 2016 года, наоборот, не вошли в рейтинг 2017 года. Нарекания вызывает и приемлемость сравнения узкоспециализированных (монодисциплинарных) институтов с многопрофильными университетами. Все эти замечания вполне обоснованы и отражают трудности начального этапа составления рейтингов в Индии.

Чему может научить опыт Индии

Внимательное изучение результатов позволяет заметить, что для улучшения позиций в рейтингах вузам стоит поработать над научной продуктивностью и репутацией. Проводимые научные исследования напрямую влияют на репутацию. Таким образом, необходимым шагом на пути к вершине мировых рейтингов является создание исследовательских университетов и университетов мирового класса.

Меры, принятые в Индии для того, чтобы собрать у вузов надежные данные, можно считать эффективными. Составители рейтинга проводили выборочные проверки и сверяли отчетность. Данные, загруженные

на портал NIRF, доступны вниманию общественности. Вузы, уличенные в аморальном поведении при предоставлении данных, исключаются из будущих рейтингов. Все эти меры направлены на повышение прозрачности и надежности информации, предоставляемой вузами и используемой NIRF при составлении рейтингов.

Одним из положительных результатов рейтингов является повышение значимости исследовательских университетов в разных странах и формирование новых университетов мирового класса. Индия планирует создать 20 первоклассных вузов. Однако это не значит, что не нужно продвигать науку в уже существующих вузах. Рейтинги не должны заменять собой прочие меры по повышению качества сектора высшего образования в целом, особенно с учетом того, что большинство вузов в рейтингах не участвует. Вместо того чтобы чрезмерно уповать на рейтинги, Индия должна улучшить финансирование высшего образования и разработать эффективную стратегию развития науки и повышения качества преподавания в большинстве второсортных вузов.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

E-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

93

Весна
2018

